

КАМИЛЛА РЭЙ

18+

ТИРАН ИЗ
МОИХ СНОВ

Камилла Рэй

Тиран из моих снов

«Автор»

2026

Рэй К.

Тиран из моих снов / К. Рэй — «Автор», 2026

Хоффнин пылает. Его жители кричат. А я лежу на холодной земле и смотрю в небо, где парит мужчина, способный испепелить целый город одним взглядом. Он говорит, что я его. Он приходит за мной даже в моём мире. А сегодня мой психолог назвал меня чужим именем — Моника. Я не знаю, кто такой Ян на самом деле. Но его руки уже оставили следы на моей шее. А его голос звучит в моей голове даже когда я не сплю. Говорят, что у реальности есть границы. А что, если их не существует? Дисклеймер: Книга содержит сцены жестокости, психологического давления, военных действий, токсичных отношений, а также откровенные эротические сцены. Не рекомендуется для чтения лицам младше 18 лет.

© Рэй К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	21
Глава 6	23
Глава 7	26
Глава 8	28
Глава 9	30
Глава 10	34
Глава 11	37
Глава 12	43
Глава 13	47
Глава 14	52
Глава 15	55
Глава 16	58
Глава 17	68
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Камилла Рэй

Тиран из моих снов

Глава 1

Что происходит? Что происходит со мной?

Я почувствовала глухой и страшный удар, такой сильный, что из лёгких резко выбило весь воздух, и я на несколько мгновений перестала дышать. Моя голова разверзлась адской болью, будто её раскололи на части, а потом так же внезапно собрали обратно. Но боль от этого никуда не ушла.

А потом сквозь все я услышала его. Голос. Нет, сначала это было не голосом даже, а просто ощущением, будто кто-то огромный и очень злой прочёсывает город, как охотничья гончая, которая потеряла след, но чувствует, что добыча где-то рядом. Этот кто-то рыскал по улицам, заглядывал в каждый переулок, поднимался выше и выше, и я чувствовала, как его воля давит на всё вокруг.

«Моя», — пронеслось в моей голове. Не словами даже, а чистой, голодной уверенностью. Кого он искал? Кого называл своей? Я не знала, но от этого ощущения меня затрясло, и я перестала дышать снова, но уже не от удара, а от страха.

Я не могла сфокусировать зрение, всё плыло и двоилось перед глазами. Но когда мне наконец удалось сосредоточиться, я поняла, что прямо на меня летят какие-то осколки, камни, кирпичи и деревянные обломки. А ещё ошмётки чего-то такого, что я не могла опознать с первого взгляда. Со всей силы, которая во мне осталась, или, скорее, на чистом адреналине, я укрылась руками, закрывая голову и лицо, потому что другого способа защититься у меня просто не было.

«Где ты?» — голос в моей голове стал громче, требовательнее. Он был низким, мужским, и в нём не было ни капли сомнения. Этот голос не спрашивал, он требовал ответа, и от его интонаций у меня внутри всё переворачивалось. Я чувствовала — он ищет именно меня. Я не знала, кто он, но какая-то часть меня, самая древняя и животная, уже признала его власть и сжалась в комок, прячась.

Сначала всё происходило будто в вакууме, в полной тишине, которая казалась даже страшнее любого шума. А потом до меня начали доходить звуки, и они летели отовсюду сразу. Мозг отказывался верить в то, что сейчас происходит, потому что то, что я видела вокруг, не укладывалось ни в одну из привычных картинок моей обычной жизни.

Осколки всё-таки порезали меня, я чувствовала жжение и влагу на коже, но я хотя бы снова начала дышать, глубоко и часто, почти захлёбываясь воздухом. Даже издала какой-то жалобный звук, похожий на скулёр, потому что терпеть боль было трудно, а кричать не хватало сил.

«Ты здесь. Я чую тебя», — голос прозвучал почти у самого уха, хотя рядом никого не было. В нём появилось удовлетворение, как у хищника, который наконец взял след. Я зажму-

рилась, потом снова открыла глаза, но рядом по-прежнему никого не было, только дым, пожары и летящие осколки. Кто он? Откуда он в моей голове?

Что происходит? Я ведь только что ложилась в постель. Я только что думала о своём дне, о том, что меня уволили с работы, о том, что меня бросил муж, назвав неудачницей и сказав, что я думаю только о себе и ни о ком больше. Неужели это просто такой реалистичный сон? Очень похожий на правду, потому что вокруг пахло гарью и дымом, а отовсюду слышались крики людей.

Но для меня всё будто замедлилось, как в старом кино, где каждый кадр тянется дольше, чем должен. Я поняла, что лежу на чём-то очень твёрдом и холодном на спине. Руки уже раскинула в стороны, потому что осколки больше не летели, и опасность, кажется, миновала хотя бы на несколько секунд. У меня было ощущение, что я пролетела какое-то расстояние и довольно сильно упала. Какой же это всё-таки реалистичный сон. Даже крики людей вокруг звучали так, будто они происходят наяву. Кто-то плакал навзрыд, кто-то просто кричал от боли или страха, а кто-то орал так, будто призывал к бою или отдавал приказы в битве.

Запах гари становился всё сильнее, и я чувствовала, будто вокруг меня везде пылает огонь, даже если я его не видела. Если честно, у меня возникло ощущение, что я упала прямо с этой высокой-высокой башни, на которую я сейчас смотрела, запрокинув голову. Здание напоминало мне что-то из готической сказки, которую я читала в детстве. Оно было статным, красивым, с удлинёнными окнами, и я бы назвала его каким-то государственным учреждением или научным зданием, потому что в нём чувствовалась важность и основательность.

Было видно, что на самой вершине этой башни произошёл взрыв, и, кажется, именно оттуда летели те самые камни и осколки, которые чуть не убили меня.

Господи, какой же это реалистичный сон. Даже всё болит так, будто по-настоящему, а не понарошку. Я хотя бы сейчас могла дышать, и это было главным. Я почувствовала, что должна повернуть голову направо, чтобы осмотреться. Я сделала это, медленно и осторожно, потому что каждое движение отдавалось болью где-то глубоко внутри.

Масштаб того, что я увидела, поверг меня в настоящий шок. Та башня и само здание, возле которого я лежала, находились на какой-то возвышенности. Перед моими глазами развернулся огромный город будто из 19 века, заполненный дымом и пожарами. Где-то что-то взрывалось, где-то рушились здания, и у меня было ощущение, что в этом городе прямо сейчас происходит настоящая бойня, жестокая и беспощадная.

А потом я подняла глаза выше и увидела небо. Там висел огромный огненный шар, который пульсировал и переливался красным, и рядом с этим шаром, будто подвешенная в воздухе, находилась чья-то фигура. Кто-то в чёрном длинном плаще, который развивался на ветру. Мужчина был повернут ко мне боком, но в тот самый момент, когда я на него посмотрела, он будто почувствовал мой взгляд и повернулся.

«Нашёл», — голос в моей голове прозвучал спокойно и почти ласково, но от этой нежности мне стало холоднее, чем от любого крика. Это был его голос. Тот самый, который рыскал по городу и требовал ответа. Он принадлежал фигуре в чёрном плаще, которая парила в небе рядом с огненным шаром. Я не знала этого человека, никогда не видела его раньше, но почему-то не сомневалась ни секунды.

Даже с такого огромного расстояния я почувствовала его взгляд, направленный прямо на меня. Его глаза горели красным, я отчётливо это видела даже сквозь дым и пелену, застилавшую небо. Он держал руки по сторонам, будто сам придерживал и контролировал ту силу, которая питала этот огненный шар. А потом он медленно поднял руку и показал на меня паль-

цем. Его кисти были в перчатках, и он был весь в чёрном, с капюшоном, надвинутым на голову, а его длинный плащ развевался вокруг него, как крылья огромной хищной птицы.

Меня сковал дикий, животный страх, который пронизывал меня до самых костей и не давал даже пошевелиться. Я слышала его голос в своей голове, я чувствовала его силу, и я поняла одно: этот человек меня нашёл. И что бы это ни значило, хорошего в этом точно ничего не будет.

Глава 2

Меня отвлекло то, что кто-то подбежал ко мне сбоку, тяжело дыша и слегка постанывая от собственной боли. Перед моим лицом возникла испуганная и испачканная сажей физиономия молодого человека. Ему на вид было примерно двадцать три года, он оказался светлым блондином с волосами почти белого цвета, и даже брови у него были такими же белыми, что делало его лицо необычным и почти нереальным. Сам он был слегка загорелым, а его глаза оказались такими глубокими и яркими, что в них действительно можно было утонуть, если смотреть слишком долго.

«Она моя. Не прикасайся», — голос в моей голове прорвался снова, на этот раз злой и ревнивый, будто кто-то посторонний посмел взять чужое. Но я не понимала, к кому относится эта ревность и почему меня это должно касаться. Я постаралась отогнать наваждение, потому что прямо сейчас передо мной стоял живой человек, и он явно меня знал.

— Моника, не может быть, ты выжила! Но как? — молодой человек заговорил быстро и сбивчиво, а на его лице отразились сначала испуг, а потом радость, и эти два чувства смешались в одно, исказив его черты. Он тут же попытался меня поднять, схватив за плечи, но делал это осторожно, будто боялся сделать мне ещё больнее.

— М-м-моника? — переспросила я, потому что голос прозвучал чуждо и неправильно. Я недоумевала, почему этот молодой человек, которого я видела впервые в жизни, обращается ко мне именно так. Почему в моём сне нет моего настоящего имени? Почему я здесь кто-то другая?

Я присмотрелась к нему внимательнее и заметила, что он одет странно, совсем не так, как люди в моём мире. На нём была униформа, которая напоминала одновременно пиджак и плащ с золотыми пуговицами, под которым виднелась рубашка и чёрный галстук. Сам плащ спускался до самого низа, почти до пола, и это делало его похожим на кого-то из старинных гравюр. А на руках у него были чёрные кожаные облегающие перчатки. И тут я с ужасом поняла, что у меня на руках точно такие же. Я поднесла кисть к лицу, разглядывая пальцы, и убедилась — те же самые, чёрные, кожаные, плотно сидящие на коже.

Он снова попытался меня приподнять, и в этот момент моё тело пронзила резкая боль, будто кто-то воткнул иглу прямо в позвоночник. Я стиснула зубы, чтобы не закричать, но всё равно издала глухой стон, потому что терпеть было почти невозможно. Молодой человек, услышав мой голос, заторопился ещё сильнее и начал поднимать меня быстрее, хотя от этого боль становилась только острее.

— Моника, давай, попробуйся, я знаю, тебе больно, но ты должна встать, — заговорил он, почти умоляя. — Игнисиансы сейчас уже будут здесь. Как неудачно снаряд попал прямо в башню. Мы не успели ничего закончить. Мы должны всё...

Но он не успел договорить, потому что нас обоих резко подхватили огромные руки с разных сторон. Чьи-то сильные и грубые пальцы вцепились в наши плечи и поволокли куда-то в сторону, не спрашивая согласия и не обращая внимания на крики. Я только вскрикнула от

боли, потому что моё тело до сих пор не слушалось меня нормально, каждый мускул отзывался прострелом, а голова кружилась так, что я перестала понимать, где верх, а где низ.

Господи, как я хочу проснуться. Это очень плохой, тяжёлый и болезненный сон, и я отдала бы всё, чтобы просто открыть глаза в своей постели и забыть этот кошмар.

Я подняла голову, насколько могла, и увидела тех, кто нас тащил. Это были явно военные, все в чёрных доспехах, которые странно переливались в свете пожаров, будто были покрыты маслом. От доспехов исходили слабые красные всполохи, похожие на тлеющие угли. Они пульсировали в такт чему-то, чего я не слышала, но чувствовала кожей. На всех военных были надеты чёрные шлемы, из которых тоже исходили едва заметные вибрации, будто шлемы были живыми или напитанными той же силой, что и доспехи. Глаз не было видно, они полностью скрывались под гладкой поверхностью шлемов, и от этого воины казались не людьми, а безликими машинами для убийства.

«Не бойся. Я пришёл за тобой», — голос в моей голове прозвучал снова, но теперь в нём не было ни злости, ни ревности. Только спокойная, ледяная уверенность хозяина, который наконец забрал то, что принадлежит ему по праву. И почему-то от этого спокойствия мне стало страшнее, чем от любого крика.

Меня тащили за обе руки, держа под мышки, и я не могла даже пошевелиться, потому что хватка воинов в чёрных доспехах была железной и не терпящей возражений. Я посмотрела на блондина, который пытался мне помочь, но его тоже тащили, и он не отбивался. В нём произошла какая-то перемена: его взгляд стал не просто печальным, а каким-то обречённым, будто он уже знал, что случится дальше, и смирился с этим.

Нас потащили к повозке, которая оказалась большим железным ящиком с матовой чёрной поверхностью, не отражавшей ни пламени пожаров, ни света умирающего дня. Перед этой повозкой была запряжена лошадь, но она выглядела необычно: её шерсть оказалась тёмно-бордовой, почти цвета запёкшейся крови, а из ноздрей у неё вился тонкий дымок, будто внутри животного горел огонь, который никак не мог вырваться наружу. Сначала в повозку закинули блондина, без всякой церемонии, просто швырнули внутрь, как мешок с картошкой, а потом настала моя очередь. Со мной тоже не церемонились, и я снова бухнулась на какой-то жёсткий пол, выдохнув от удара, а потом дверь сзади закрыли наглухо, и все звуки снаружи будто проглотила какая-то огромная пасть.

Мы остались в крошечной темноте, и теперь я слышала только наше дыхание — чьё-то частое и испуганное, чьё-то тяжелое и сбивчивое. Где-то в углу внутри этого железного ящика кто-то всхлипывал, стараясь делать это как можно тише, будто боялся привлечь внимание тех, кто нас сюда запер.

— Моника, ты как? — раздался шёпот совсем рядом, и я узнала голос того парня-блондина. Он говорил тихо, чтобы никто снаружи не услышал, но в этой тишине даже самое осторожное слово звучало громко.

Удивительная вещь: когда мы находимся во сне, мы ведь обычно не понимаем, что мы спим. Почему же я сейчас отчётливо осознаю, что вижу сон, и при этом никак не могу проснуться? Я сильно-сильно зажмурилась, изо всех сил, думая, что, может быть, если сделать это достаточно сильно, то я открою глаза уже в своей постели, в своём мире, где нет никаких

пожаров, железных ящиков и военных в чёрных доспехах. Мне очень не нравился этот сон. Он был слишком болезненным и слишком реальным, чтобы быть просто ночным кошмаром.

Я почувствовала, как повозка пришла в движение, но мы не слышали ничего из того, что творилось снаружи. Стены этого ящика, казалось, поглощали любые звуки, оставляя нас наедине с нашими страхами и редкими всхлипами других пленников. Мне показалось, что мои глаза начали понемногу привыкать к темноте, и я даже начала различать смутные очертания тех, кто находился вместе со мной внутри. Здесь были и парни, и девушки, кто-то всхлипывал, кто-то уже плакал в голос.

— Со мной всё хорошо, — решила я ответить на вопрос парня, хотя это было не совсем правдой. — У меня только очень сильно всё болит.

— Ещё бы, ты столько пролетела, — ответил он с какой-то горечью в голосе. — Я искренне думал, что ты погибла. Ты же отлетела прямо, пробив стекло из-за этого снаряда, тебя же взрывной волной снесло с башни.

— Куда нас везут? — спросила я, потому что нужно было понять хоть что-то. — Кто это всё устроил?

— В смысле — кто? — раздался девчачий голос откуда-то сверху, из угла, и в нём слышалась злость, перемешанная со страхом. — Уж Стражу Бытия должно быть известно, кто на нас напал!

— Она упала из самой башни до самого низа и не разбилась, так что проявите уважение! — жёстко ответил блондин, и в его голосе зазвучали металлические нотки. — Если бы не мы, вас бы вообще давным-давно уже поработили Игнисеансы!

— Какая теперь разница? Нас везут к их императору, и он сожжёт нас всех, — голос девушки сорвался на истерику, и она заплакала ещё сильнее, уже не сдерживаясь. — Мы обречены, всё кончено.

Я не успела ничего ответить, потому что в этот момент повозка резко остановилась, а потом с лязгом открылись дверцы, и нас всех ослепил яркий свет, хлынувший снаружи. Он был таким сильным, что я зажмурилась снова, но это не помогло — свет проникал сквозь закрытые веки, заливая всё красным и оранжевым.

И в следующую секунду меня снова схватили за руки чёрные доспехи и потащили куда-то вперёд. Я не могла понять, что происходит, потому что из-за яркого света, бившего отовсюду, я не разбирала картинки, только смутные тени и силуэты, которые двигались вокруг.

«Смотри на меня. Только на меня», — властный голос прозвучал в моей голове неожиданно, и в этот раз он был не громким и не требовательным. Он был тихим, почти нежным, и от этого контраста с тем, что происходило вокруг, у меня застыла кровь в жилах. Он знал, что я здесь. Он ждал меня.

Я слышала, как кто-то громогласно восхвалял императора, и голосов было очень много, целая толпа. Я присмотрелась, насколько могла сквозь свет и пелену, и поняла, что мы находимся на какой-то огромной площади, окружённой людьми, а впереди, куда меня тащили, шли

ступени вверх, к большому дворцу, который возвышался надо всем этим хаосом, как чёрный зубастый зверь.

Нас подтащили прямо к началу ступенек, ведущих к дворцу, и бросили в ряд вместе со всеми, кто был в той железной повозке. Я увидела, что на земле уже лежало несколько человек, в основном девушки, и почти все они были одеты в одежды, похожие на мою, но цвета у всех оказались разными. Были красные мундиры, были синие, а у нас с Никосом, как я теперь знала, были чёрные. Эта деталь заставила меня содрогнуться, потому что происходящее становилось всё более и более реальным, и я уже не могла убеждать себя, что это просто сон.

— Ты вся в крови, — сказал блондин сбоку, и я повернула к нему голову. Нас заставили стать на колени, и он смотрел на меня так, будто взглядом пытался сказать, что он здесь, что он рядом, что я не одна в этом аду. Но мне от этого стало только страшнее, потому что в его глазах я читала что-то похожее на прощание. Он смотрел на меня так, будто эти наши вздохи были последними.

Где-то в начале нашего ряда кто-то начал плакать, а потом и кричать, и эти звуки смешивались с гулом толпы, которая собралась на площади. Я расслышала, как кто-то из военных громко крикнул: «Проверяйте их руки на метки!» И тогда я обратила внимание на то, что у всех нас, у каждого пленника в этом ряду, на руках были чёрные кожаные перчатки, такие же, как у меня. Военные начали снимать эти перчатки с людей, одну за другой, безжалостно и грубо, оголяя руки и внимательно их разглядывая.

Сзади нас толпа начала приходить в какое-то бешеное возбуждение, все начали кричать и требовать чего-то, и я поняла, что это те самые люди, которые напали на город. Это их армия, их сторонники, их радующаяся смертям толпа.

— Если мы здесь и они здесь, то значит, Хоффнин пал, — сказал блондин очень тихо и обречённо, почти шёпотом, и в его голосе не осталось ни надежды, ни страха, только пустая констатация факта.

— Как тебя зовут? — тихо спросила я, стараясь говорить так, чтобы не привлекать внимания военных. Я осторожно и незаметно попыталась дотянуться рукой до его руки, потому что чувствовала, что ему сейчас срочно нужна хоть какая-то поддержка, пусть даже от меня, чужой и ничего не понимающей девушки, которая упала с неба в его жизнь.

Никос удивлённо посмотрел на меня, потом нахмурился, будто что-то обдумывая, а потом в его глазах промелькнуло понимание. Возможно, он подумал, что я сильно ударилась головой, когда падала с башни, и потеряла память. Но он не стал задавать лишних вопросов.

— Никос, Моника, Никос, — сказал он с лёгкой, почти неслышной улыбкой, и в этой улыбке было столько тепла, сколько вообще возможно выдавить из обречённого человека.

А потом меня ударили. Настолько сильно между плечом и шеей, что я взвизгнула от неожиданности и боли и просто плашмя упала лицом на холодный асфальт, не в силах даже сгруппироваться. С двух сторон меня резко подхватили, грубо подняли мои руки вверх и сорвали перчатки, оголяя пальцы и ладони.

«Не трогайте её. Никто не смеет к ней прикасаться», — голос прорвался в моей голове с такой яростью, что у меня зазвенело в ушах. Он был где-то рядом, я чувствовала это каждой клеткой своего избитого тела, и от этого осознания меня затрясло ещё сильнее.

— Чисто! — крикнул кто-то сверху, осмотрев мои руки.

— Чисто, — повторил военный, который стоял рядом с Никосом, подтверждая, что на его руках тоже нет никаких меток.

Я лежала щекой, прижатой к холодному асфальту, и видела, как все остальные пленники из нашего ряда лежат так же, распластанные на земле, с обнажёнными руками, беззащитные и униженные. А военные сзади нас бесновались и требовали чего-то, чего я не могла разобрать, потому что в ушах всё ещё стоял звон от удара и от голоса, который прозвучал так отчётливо, будто владелец голоса стоял прямо за моей спиной.

А потом толпа начала говорить одно слово. Одно единственное слово, повторяя его снова и снова, громко и в унисон, и этот гул нарастал, заполняя собой всю площадь, всё небо, весь этот чужой и страшный мир.

«Ян. Ян. Ян.»

Они скандировали имя своего императора. Имя тирана, который сжёг Хоффнин. Имя мужчины, чей голос только что звучал у меня в голове.

«Встань. Ты должна меня увидеть», — голос прозвучал снова, и в этот раз он был спокойным, почти ласковым, но я чувствовала в нём железную волю, которой невозможно было послушаться...

Глава 3

Я посмотрела вверх, на начало ступенек, но там никого не было. И тут все замолчали. Наступила такая тишина, какой я никогда раньше не слышала. Только огонь трещал где-то вдалеке, да редкие искры перелетали с одного разрушенного здания на другое. Вверху, очень медленно и плавно, будто его несли невидимые потоки воздуха, начала опускаться вниз фигура. Его длинный чёрный плащ развивался на аккуратных и плавных потоках, и казалось, что сначала идёт тёплый воздух, а только потом, вслед за ним, летит сам человек.

Это был он. Их Властелин и их Император. Его глаза горели красным зловещим светом, и этот свет пульсировал в такт чему-то, чего я не могла понять. Он смотрел на нас, но в то же время его взгляд был устремлён куда-то вдаль, сквозь людей, сквозь дым, сквозь сам этот мир. Его руки были аккуратно разведены в стороны, будто он держал равновесие или управлял той силой, которая несла его вниз. Капюшон от плаща был надвинут на голову, но я всё равно видела его лицо. Вся его фигура в чёрных доспехах и чёрном костюме, таком же, как у его военных, но более внушительном, говорила о его статусе громче любых слов.

Он был красив. Я явно видела таких мужчин где-то в кино, потому что в реальной жизни таких людей просто не бывает. Его лицо не выражало никаких эмоций. Ни мимики, ни намёка на то, что происходит у него внутри, — ничего, кроме холодного и пустого величия.

Когда его ступни коснулись вершины лестницы, нас всех резко заставили опустить голову в поклоне. Чья-то железная рука надавила мне на затылок, пригибая к земле, и в этот момент меня охватила злость. Я дёрнулась, пытаюсь сбросить с себя чужую руку, потому что не хотела кланяться этому человеку, не хотела подчиняться. Меня снова ударили, то ли прикладом, то ли рукой, я не поняла, но я взвизгнула от боли и опять плашмя упала на холодную поверхность.

А потом случилось самое страшное, что я когда-либо могла себе представить. Мой обидчик просто сгорел. Это произошло настолько резко и быстро, что он даже не успел вскрикнуть. Он просто превратился в пламя, а потом в пепел, и этот пепел развеялся в воздухе за одну секунду. Даже запаха гари не осталось, только я почувствовала очень сильную температуру и жар рядом с собой, будто кто-то открыл дверцу раскалённой печи. Кто-то в нашем ряду начал ещё сильнее реветь и истерить, а толпа заплодировала. Они радовались смерти своего же солдата, потому что так захотел их император.

Ян начал спускаться по лестнице вниз. К нему подошли какие-то военные с разными нашивками прямо на доспехах, может быть, это были наклейки или знаки отличия, я не могла понять. Я пыталась поднять голову, но от последнего удара мне становилось всё хуже и хуже, и каждое движение давалось с трудом. Я слышала, как они докладывали ему о том, что меток на стражах нет и что здесь нет ключей.

— Властелин, предлагаю сжечь этот город до тла и продолжить наши поиски, — сказал какой-то офицер, и его голос звучал уверенно и безжалостно.

— Нет, здесь слишком много женщин, детей и стариков, — ответил Ян, и его голос оказался низким и тягучим, будто раскалённый мёд. — Огонь чувствует, он видит. Мы найдём ключ и избранного здесь.

Он уже спустился вниз по лестнице и обводил нас взглядом одного за другим. А когда его взгляд остановился на мне, он замер на секунду, а потом продолжил движение в мою сторону. Его глаза обвели мои руки, и он сморщил своё красивое лицо так, будто я отвратительно пахла или была чем-то мерзким.

— Жалкое отродье, — сказал он спокойно, почти равнодушно. — Из-за тебя мне пришлось убить своего рядового.

С этими словами он резко и очень быстро схватил меня за горло и просто поднял в воздух, как котёнка, а потом начал аккуратно сжимать пальцы. Я почувствовала, как начинаю терять сознание, потому что воздуха становилось всё меньше и меньше, а лицо начало пульсировать от напряжения.

Рядом закричал Никос, и его тут же начали избивать, чтобы он замолчал, но он всё равно кричал, и его голос разрывал тишину. Огромная рука Яна держала меня на весу, его пальцы скрипели в перчатке, и я не знала, что делать. Я начала бороться, дёргаться, пытаюсь ослабить его хватку, и в моей голове пронеслась мысль, что если я сейчас умру во сне, то, может быть, проснусь. Но где-то глубоко внутри меня кричал мой собственный голос: «Нет! Нет! Дай отпор!»

Я увидела, что между его перчаткой и одеждой есть небольшой участок голой руки. Там виднелись ожоги и шрамы, и я поняла, что это его уязвимое место. Я решила сделать ему больно. Я резко схватила своей голой рукой его руку, вцепилась ногтями, начала царапать и хватать из последних сил, впиваясь в его плоть как можно глубже.

Никос резко перестал кричать. Рука Яна перестала меня душить. Она не отпустила меня, но давление на горло ослабло. Я посмотрела на своего обидчика и увидела удивление на его красивом, до этого ничего не выражающем лице.

— Моника, — обречённым шёпотом сказал Никос откуда-то сбоку. Я перевела на него взгляд. Он лежал в крови, с каким-то ужасом смотрел на меня, а потом перевёл взгляд на то место, где моя рука держала руку тирана.

Я вернула взгляд к Властелину огня. Он смотрел на мою руку и на свою так, будто видел что-то невероятное, будто перед ним происходило чудо, которого не может быть. Я сжала его руку ещё сильнее, показывая, что я здесь, что я не сдамся, и он закрыл глаза. Он просто закрыл веки, будто это доставляло ему удовольствие. Я увидела, как его мышцы на лице начали двигаться, расслабляясь, и на нём появилось выражение удовлетворения.

— Всех стражей в тюрьму, — громко сказал он, всё ещё не открывая глаз.

И в следующую секунду он будто оттолкнулся от асфальта, и мы взлетели. Он до сих пор держал меня за горло, и это было больно и страшно. Земля куда-то удалялась, мы на большой скорости летели вверх, и я не могла кричать, потому что горло саднило и не слушалось. Он заметил это и сказал спокойно, почти ласково:

— Не бойся. Ты слишком важна теперь. Я тебя не уроню.

Я увидела, как Хоффнин, кажется так называется этот город, удаляется вниз, и мы летим к огромному дирижаблю, который скрывался в облаках и дыму. Он был коричневого цвета с красными проблесками, он блестел на солнце и был огромным, как летающий дворец. Мы летели на такой большой скорости, что у меня начало просто выключаться сознание, но как только я поняла, что сейчас отключусь, мы начали снижение на посадочную площадку. Дирижабль явно ещё никуда не летел, он будто парил в одном месте, ожидая своего хозяина.

Ян продолжал держать меня как трофей после удачной охоты, а после приземления понёс куда-то, отдавая указания людям, которые выбегали на смотровую площадку ему навстречу.

— Подготовьте мою ванную. Я хочу отмыть эту тварюшку, — бросил он через плечо, и его голос звучал так, будто он говорил о грязной вещи, которую нужно привести в порядок.

— Господин Ян, император Хоффнина вышел с вами на связь. Он бежал, но сейчас хочет обсудить с вами вопросы о перемирии, — доложил офицер, спеша за нами следом.

— Потом. Сначала добыча, — спокойно ответил мой обидчик. Значит, его зовут Ян. То самое имя, которое скандировала толпа.

— Город сжигать не будем? — уточнил офицер.

— Нет, я чувствую, что именно здесь есть ключ. Но у стражей его не видно. Прячут, мрази. Мы продолжим поиски.

— Принято, господин Ян.

Меня несли дальше по коридорам дирижабля, и я уже почти ничего не соображала от боли, страха и нехватки воздуха. Я только чувствовала, как его огромная рука сжимает моё горло, и слышала, как он называет меня добычей и тварюшкой. Но почему-то в тот момент, когда я вцепилась в его шрамы, в его глазах промелькнуло то, чего я не могу объяснить. И это пугало меня больше, чем его сила и его власть.

А дальше я уже понимала, что мой разум всё-таки отключается, потому что сил больше не осталось. Но сквозь нарастающую темноту я услышала красивый, мелодичный голос, который принадлежал явно не Яну, а кому-то другому.

— Ах, мой любимый господин, что это у вас? Трофей? — в голосе слышалось любопытство и лёгкое кокетство. — Это же форма стражи! Причём стража научного отдела. У неё чёрная форма и золотые пуговицы.

— Да, её надо отмыть. Она вся в крови, хочу посмотреть на её лицо, — ответил Ян равнодушно, будто речь шла о куске мяса, который нужно очистить перед готовкой.

— Тогда лучше подготовить купальни, я сейчас распоряжусь, — ответил тот же мелодичный голос, и я почувствовала, как мы снова куда-то двинулись.

Мои глаза уже начали закрываться от перенапряжения, потому что воздуха было слишком мало, и он продолжал нести меня, держа за шею. Я уже почти не чувствовала своего тела, только отдалённую боль где-то глубоко внутри.

— Кто ты такая, Страж? — слышала я его шёпот, пока мы шли. Он говорил тихо, почти себе под нос, но я разобрала каждое слово. — Как ты смогла не сгореть, дотронувшись до моей кожи? Какую тайну ты от меня скрываешь?

Я слышала это уже с закрытыми глазами, потому что сил держать их открытыми не осталось. Я почувствовала, как вокруг стало влажно, и поняла, что мы зашли в какое-то помещение, где бежала вода и воздух был наполнен паром. А в следующую секунду я будто оказалась в полёте, а потом резко ушла под воду вместе с головой. Я инстинктивно вдохнула, но в лёгкие вместо воздуха попала вода, и я начала захлёбываться.

Кто-то рывком поднял меня на поверхность, и я вынырнула, отплёвываясь и откашливаясь. Это было ужасно. Господи, неужели меня сейчас будут пытаться водой?

— Нет! — вскрикнула я, и во мне проснулась такая злость, какой я никогда раньше не чувствовала.

Я начала дубасить его по рукам, по плечам, везде, куда могла дотянуться, и в какой-то момент, не контролируя себя, я ударила его со всего размаху по лицу своей ладонью. Звук получился громким и хлестким, и я сразу замерла, испугавшись того, что сделала. Потому что я даже в жизни так никогда никого не била и не трогала. Я всегда была пацифистом, я всегда была очень доброй. Я даже у комаров прощения просила, когда случайно прихлопывала, а всех пауков, которых находила дома, я всегда уносила куда-нибудь в безопасное место. Даже если на улице была зима, я обязательно находила для них тёплый уголок и отпускала.

Я увидела, как изменился его взгляд. Его глаза перестали гореть тем зловещим красным светом, они будто потухли, и на меня уже смотрели не два огненных угля, а красивые, тёплые, карие глаза. Его лицо было настолько удивлённым, что он выглядел почти растерянным, и это совсем не вязалось с образом безжалостного тирана, который только что сжёг человека за одно прикосновение ко мне.

А потом он резко взял мою руку и прижал её к своей щеке, именно туда, куда я его только что ударила. И он удивился ещё сильнее, потому что его глаза расширились, а брови поползли вверх.

— Ты не сгораешь, — сказал он тихо, будто сам себе. — Как это возможно?

— Я не понимаю, о чём вы, — прошептала я сквозь зубы, потому что горло болело и говорить было трудно.

И в следующую секунду я услышала звук, похожий на далёкий-далёкий будильник. Он нарастал, приближался, и вдруг меня резко стрельнуло в грудь, будто что-то оборвалось внутри. Я почувствовала, как вылетаю из своего тела, и уже смотрела на происходящее со стороны, будто в замедленной съёмке.

Я видела, как моё тело резко побледнело, как закатились глаза и как я откинулась назад, падая в воду. В этот момент Ян отпустил меня, потому что его пальцы разжались сами собой, и он смотрел на меня с ужасом, которого я никогда не видела на мужском лице. Я уходила под воду, а он кричал «Нет!» и начинал меня искать, ныряя следом. Следующая секунда —

он вытащил меня из этого огромного бассейна, поднял на руки и начал тормошить, что-то кричать, но я уже не понимала слов.

Я только видела, как моё сознание куда-то улетает, но у меня не было тела, только чистый взгляд сверху. И я видела, как он начинает делать мне искусственное дыхание, вдыхая воздух в мой рот, и как он откачивает меня, не останавливаясь ни на секунду. Кто-то бежал к нам на помощь, а он кричал и угрожал, что не дай бог я умру, и в этот момент его фигура резко ускорилась и начала светиться, и я снова услышала тот самый звук будильника, который становился всё громче и громче.

А потом я спокойно открыла глаза и поняла, что лежу у себя в комнате, в своей постели. Я проснулась. Но горло болело так, будто его всё ещё сдавливала огромная рука в чёрной перчатке.

Глава 4

Вы знаете, как в кино показывают пробуждение после кошмара: люди резко вскакивают в поту, громко дышат и хватаются за сердце. У меня всё произошло иначе. Я проснулась просто открыв глаза и некоторое время прислушивалась к будильнику на телефоне, который звенел и звенел, не собираясь замолкать. Я спокойно нашла рукой на тумбочке рядом с кроватью свой телефон, взяла его и отключила будильник. На часах было половина седьмого утра, пора вставать.

Но на удивление всё моё тело болело, а горло саднило так, будто это был не сон, будто меня по-настоящему таскали за шею, держа за горло. Будто тот ужасный Ян существовал на самом деле. Впервые в моей жизни у меня был настолько реалистичный сон, такого никогда не случалось раньше. Все остальные сны я забывала практически сразу после пробуждения, а этот я помнила до мельчайших деталей, каждое ощущение, каждый звук и каждый запах.

Я обвела взглядом свою комнату, знакомую до последней трещинки на потолке. Сегодня первый день, когда я ночую в своей квартире после расставания с мужем. Как хорошо, что я решила её не продавать. Эта квартира была куплена мной ещё до того, как я вышла замуж, и сейчас, если бы я её продала и вложила деньги в общий быт, я осталась бы совсем ни с чем. А муж поступил как настоящий подлец. На новую квартиру, которую мы хотели приобрести для совместной жизни, мы зарабатывали вместе, я вложила туда столько же, сколько и он, если не больше. Но сделку мы оформили буквально за несколько дней до регистрации брака. Всё вышло случайно — владельцы квартиры, которую мы присмотрели, резко перенесли сделку и настаивали на том, чтобы подписать документы именно в тот день. Я согласилась, чтобы не потерять такой классный вариант, трёхкомнатную квартиру в центре города. И теперь получается, что это его недвижимость, купленная до нашего брака, и она не считается совместно нажитым имуществом. Почти бывший муж напрямую сказал, что раздела по квартире не будет, и советует мне даже не пытаться.

У нас давно были проблемы в браке, хотя мы прожили вместе целых пять лет. Для меня пять лет — это огромный срок. Проблемы начались, когда меня уволили с моего места работы. Я работала в IT-компании и отвечала за защиту спецсектора, за программную защиту. Это немного не женская работа, но у меня она получалась шикарно. Я видела то, что многие мужчины не замечали, когда смотрели в монитор. Я доросла до начальника отдела, у меня была отличная зарплата, и я была по-настоящему счастлива. Я чувствовала себя на своём месте.

Вот только случилось нечто очень странное. Произошёл взлом нашего обеспечения, и были украдены все наши разработки, вернее, разработки всей нашей компании. И почему-то обвинили в этом меня. Но не просто обвинили, а заявили, что я шпионка и якобы участвовала в коммерческом шпионаже. Сейчас я не просто уволена с позором, на меня завели уголовное дело. Ещё полгода назад моя жизнь была полной чашей, если не считать детей, которых у нас не было, потому что с супругом у нас просто не получалось, будто мы были несовместимы. Но вчера муж окончательно высказал всё, что обо мне думает, и это было очень больно. А его слова о том, что я неудачница, резанули сильнее всего.

Я снова посмотрела на время. Если я хочу вовремя приехать в центр города к психологу, то мне нужно вставать прямо сейчас, успеть пробежаться, принять душ, позавтракать и

собраться. Где-то месяц назад, когда я поняла, что на меня завели уголовное дело, у меня ещё оставались деньги, и я оплатила несколько сеансов у психолога, чтобы прийти в себя, потому что сама я не справлялась. К сожалению, у меня не было знакомых, с кем я могла бы поделиться. Папа и мама живут далеко, и я не хотела их тревожить, а близких друзей я тоже как-то не завела. Я всегда была сама по себе, на своей волне и белой вороной. Муж давил, но я терпела. В общем, с проблемами, которые обрушились на меня, я не могла справиться сама, мне нужна была поддержка и нужно было разобраться в себе.

А ещё маячил вопрос с деньгами. Меня уволили, выплатили только оклад, а всю премиальную часть оставили себе. И всегда у нас с мужем была общая кубышка, куда я складывала почти все свои деньги, общий счёт. Угадайте, на кого он был открыт? Да, я дура. Я настоящая дура, потому что боролась за него и верила ему. Сейчас мне просто нужны силы.

Я села на кровати, спустила ноги на пол и поняла, что горло всё ещё болит. Я провела пальцами по шее и мне показалось, или там действительно остались следы?

Я встала, и меня резко повело в сторону, будто мой организм всё ещё находился в шоке после всего, что произошло. Если бы не стеллаж, который стоял рядом с кроватью, я бы обязательно упала на пол и, наверное, долго бы не смогла подняться.

— Ох, что это? Света, соберись, пожалуйста, — сказала я сама себе, жмурясь от нахлынувшей слабости и потряхивая головой, чтобы прогнать дурноту.

Я открыла глаза, и моя собственная уютная комната показалась мне будто бы чужой и незнакомой, хотя я знала здесь каждый уголок, каждую трещинку на обоях и каждую царапину на полу.

«Мояя... Я скучаю... Вернись», — раздался в моей голове тихий, тягучий шёпот, и я замерла.

Что это? Что я такое слышу? Этот голос был похож на тот шёпот, который я слышала там, в Хоффнине. Надо же, я даже название того города из сна запомнила так отчётливо, будто жила там всю жизнь. Господи, может быть, я действительно схожу с ума? Я быстро, почти испуганно обвела свою комнату глазами, ища хоть какое-то подтверждение того, что я в безопасности и что всё вокруг настоящее.

Моя комната была такой приятной, такой светлой, настоящей девчачьей радостью, которую я создавала для себя в те времена, когда ещё верила в счастье. Мне уже почти тридцать, а эту квартиру я обустраивала, когда мне было всего двадцать пять, и здесь всё ещё сохранилось что-то наивное, милое и прекрасное. Мягкая кровать с пледами и несколькими подушками в зелёно-бежевых тонах, большое количество растений, которые я любовно выращивала, бежевые шторы, которые пропускали мягкий утренний свет. Я даже не сдавала эту квартиру никогда, потому что она была моим убежищем. Я приезжала сюда каждую неделю, проверяла, всё ли нормально, поливала цветы и уезжала обратно к мужу. Я ведь так и не прописалась в нашей с ним общей квартире, так и осталась прописанной здесь, в этой маленькой, но такой родной двушке. У меня двухкомнатная квартира, если считать комнаты, но по факту одна комната — это спальня, а вторая совмещена с кухней. Очень маленькое пространство, как раз для такой холостячки, какой я была на тот момент, когда покупала это жильё на окраине большого

города. В принципе, сейчас мне этого хватит с лихвой. Много ли надо для счастья, если говорить о квадратных метрах?

Я сделала несколько мелких шажков к зеркалу, которое стояло на полу и имело прямоугольную, удлинённую форму, и то, что я там увидела, повергло меня в настоящий шок. На моей шее отчётливо виднелись синяки, которые по форме напоминали следы от пальцев. От чьих-то очень сильных, очень больших пальцев.

— Что? Нет, нет, этого не может быть, нет! — вырвалось у меня, и я начала тереть эти места, будто это была какая-то грязь, которую можно смыть или стереть. Но синяки не стирались, они оставались на месте, тёмно-фиолетовые, почти чёрные, как напоминание о том, что случилось в моём «сне».

Я схожу с ума. Я действительно схожу с ума, и это уже не просто слова, у этого есть физическое подтверждение на моём теле.

В этот момент я резко захотела пить, потому что горло пересохло окончательно, и я направилась в сторону кухонной зоны. Дрожащими руками я налила из прозрачного графина в стакан обычной воды и выпила её так, будто была путником в пустыне, который несколько дней не видел влаги. Большими глотками, захлёбываясь, я осушила стакан до дна, даже немного подавилась и закашлялась. Я оперлась руками на стойку, закрыла глаза и начала глубоко дышать, пытаясь успокоиться и привести мысли в порядок.

Да, господин психолог, сегодня я вам расскажу одну очень странную историю. И вы мне должны помочь, потому что если вы не поможете, я действительно не знаю, что мне делать. Господи, только бы он не отправил меня к психиатру, а выслушал и поверил, потому что если он не поверит, то тогда надежды у меня нет никакой.

«Скоро ты вернешься и будешь моей. Я тебя поработю полностью как и всех», — прошептал голос в моей голове снова, и я вздрогнула всем телом, потому что в этом шёпоте не было угрозы. В нём было обещание.

Глава 5

Я собрала последние силы, которые ещё оставались во мне после этого странного пробуждения, и поняла, что мне нужна пробежка. Бег по утрам всегда вселял в меня какую-то особенную эйфорию, которую я не могла объяснить словами. После бега я чувствовала себя так, будто способна свернуть любые горы, и всегда испытывала большой приток энергии, которой хватало на весь день. Я не стала даже завтракать и ничего не готовить, а просто одела тот комплект спортивной одежды, который хранился здесь, в моей холостяцкой квартире. Благо, я оставила здесь большое количество вещей из своей прежней жизни, когда была свободной и ни от кого не зависела.

И пускай эта спортивная мода была актуальна ещё пять лет назад, но обычные леггинсы и обычный специальный лонг для пробежек никуда не делись, даже если все цвета были в разнобой и не сочетались друг с другом. В принципе, мне ведь просто на пробежку, а не на подиум. Я быстро повязала в хвост свои каштановые волосы, чтобы они не мешали и не лезли в лицо, взяла поясную сумку, надела трекинговые часы и спустилась вниз.

Что мне ещё всегда нравилось в моей квартире, так это то, что дом, в котором она находилась, располагался прямо рядом с большим старым парком. Это было просто обалденно. Сейчас, ранним утром, в парке будет не так много людей, в основном только владельцы собак и такие же бегуны, как я, которые вышли размять кости перед рабочим днём. Моя квартира была на десятом этаже, и я воспользовалась лифтом, потому что спускаться пешком не было никакого желания.

Когда я ехала в лифте, он резко дёрнулся и остановился между этажами. Я не испугалась, потому что знала, что у лифтов бывают такие остановки, но внутри меня всё равно зародилось неприятное беспокойство. А потом мне показалось, будто кто-то очень нежно и аккуратно провёл по моей руке, оставляя за собой лёгкую дрожь на коже.

«Найдите способ», — услышала я опять этот странный шёпот у себя в голове, и он звучал почти умоляюще.

— Я просто слишком нервничаю, я просто слишком нервничаю, всё пройдёт, всё пройдёт, — зашептала я себе, прикрыв глаза и стараясь не обращать внимания на голос, пока лифт не приехал на первый этаж. После моей мантры лифт как раз пришел в движение.

Ура, свобода. Я быстро выскочила из подъезда и ринулась к парку, даже не шагом, а сразу бегом, будто меня кто-то преследовал. Прекрасное летнее утро, свежесть в воздухе, зелень вокруг, птицы поют — всё дышало жизнью и покоем. Я нажала кнопку трекинга на часах, чтобы они отслеживали мою пробежку, и рванула вперёд по знакомой тропинке.

Моё тело будто восстановилось в один момент. Я уже не чувствовала той дикой усталости и слабости, которые преследовали меня с самого утра, наоборот, энергия прибывала с каждым моим толчком от земли, с каждым новым ускорением. И тут я сама не заметила, как заулыбалась этому миру, этому утру, этой тропинке под ногами. Я чувствовала, что я всё решу, что я обязательно справлюсь со всеми проблемами, что эта полоса неудач когда-нибудь закончится.

И вот очередной толчок моей ноги от земли — я оторвалась от асфальта в лёгком прыжке — и в этот самый миг меня поцеловали. Чьи-то жёсткие, требовательные губы впились в мои, и я резко остановилась, потому что это было так неожиданно и так реально, что у меня перехватило дыхание. Я чувствовала этот поцелуй всем телом. Я дотронулась до своих губ пальцами, и они были влажными и горячими. Кто-то терзал меня, кусал, не отпускал, и в голове у меня зазвучал рык — злой, полный безысходности и какой-то животной тоски.

Я закрыла глаза и обхватила ладонями свои уши, пытаясь заглушить этот звук и это наваждение. А потом всё резко прекратилось, так же внезапно, как и началось.

— Девушка, с вами всё в порядке? — услышала я обеспокоенный женский голос. Рядом стояла женщина, которая тоже делала пробежку в этом парке, и она смотрела на меня с искренним беспокойством.

— Да, извините, пожалуйста, немножко перенапряглась, спасибо, — ответила я, не желая вступать в долгие объяснения.

Я не стала дожидаться, пока женщина что-то скажет ещё, и просто рванула вперёд, хотя моё тело уже не слушалось так хорошо, как раньше. Пробежку до конца я не стала делать, а развернулась и вернулась обратно домой. Быстро зашла в душ, помылась, стараясь не смотреть на себя в зеркало, потому что меня пугали эти тёмные отметины на шее, которые никуда не исчезли. Я одела первое, что попало мне под руку в шкафу, и рванула в центр города, к своему психологу.

Да, я возлагала большие надежды на разговор с ним, потому что то, что происходило сейчас в моей голове, начало меня по-настоящему пугать. И я отказывалась признаваться самой себе в том, что схожу с ума, потому что если это правда — то что же мне тогда остаётся?

Глава 6

Контакты этого психолога мне дали хорошие знакомые с уже бывшей работы. Они видели моё напряжённое состояние, как я начинаю теряться, и они порекомендовали мне именно его. Этот психолог считался очень модным, с современным подходом, и на самом деле к нему было очень сложно пробиться. Виктор Сергеевич Аккуратов, большая практика.

Когда я месяц назад записывалась к нему, его секретарша попросила дать примерные данные о моих проблемах, а ещё попросили внести аванс, с условием, что если я не подойду, то аванс мне вернут. Я всё сделала, и самое интересное, что секретарь сказала: Виктор Сергеевич посмотрит на мою анкету и, если решит, что я ему интересна, то поставит меня в очередь. Насколько я поняла, меня закинули чуть ли не в самый конец. Тогда я подумала: может, и не нужен мне никакой психолог? Но что было удивительно — мне перезвонили буквально на днях, и на проводе был он сам. Виктор Сергеевич представился и начал плавно со мной разговаривать. Тембр его голоса меня успокаивал, он был очень низким и очень притягательным. Ей-богу, я такой голос могла бы слушать и слушать. Я думаю, что ему надо озвучивать аудиокниги. Психолог сказал, что я очень интересный пациент и он хотел бы со мной побеседовать, если я не против. А если я против, то мне вернут деньги. Я, конечно же, согласилась на всё, и он назначил мне встречу.

Принимал он в центре, в высотном здании на пятнадцатом этаже. Когда я поднялась туда, я не удивилась спокойствию в приёмной. Секретарша будто модель, при этом по взгляду такая нежная, такая улыбчивая, что мне уже в принципе стало хорошо. Я подумала, что можно к психологу и не ходить, просто посидеть рядом с этой красивой девушкой. Но эта притягательная красавица сказала, что Виктор Сергеевич меня ждёт.

Меня проводили в его кабинет, и я, если честно, думала, что увижу винтажный дизайн, но я ошибалась. Цветовая гамма в помещении была как в моей собственной квартире. А ещё по одной стене было большое количество полок, и там были не книги, там были растения. Много растений. И было видно, что их любят и за ними ухаживают. Большое красивое панорамное окно, мягкая бежевая жаккардовая кушетка, на которую так и хочется прилечь и поспать, два стула перед столом. Мне понравилось, что в интерьере использовали дерево, именно деревянные панели, но при этом оттенков бежевого было много, и света тоже много. Здесь было уютно.

Виктор Сергеевич заполнял какие-то документы, и, увидев меня, его уголки губ немного двинулись, будто он улыбался, но при этом оставался серьёзным. Мужчина встал из кресла, обошёл стол, аккуратно поклонил голову в сторону секретарши, она улыбнулась и закрыла за мной дверь.

— Здравствуйте, Виктор Сергеевич, — сказала я, немного смущаясь.

— Света, здравствуйте. Можно просто Виктор, — ответил он своим бархатно-низким голосом и показал на стул возле стола.

Я присела и сначала думала, что он обойдёт и сядет в своё кресло, но он сел напротив меня на такой же стул. Кстати, стулья оказались очень удобными. Я бы сказала, что была через чур располагающая атмосфера. Я отметила про себя, что мой психолог — очень симпатичный

мужчина, ему лет под сорок, но при этом он жгучий брюнет, светлокожий, высокий, но не массивный, даже немного худой, с удлинёнными чертами лица. Пока я смотрела на него, он смотрел на меня, но мне почему-то это очень понравилось. Потом он улыбнулся глазами.

— Вы меня изучаете? — спросил он.

— Извините, привычка подмечать всякие особенности, будь то человек либо обстановка. Специфический склад ума, — ответила я.

— Как интересно. Я посмотрел ваше дело, вашу карту, — он располагал к себе своим разговором, и я начала расслабляться.

— Да, у меня проблемы, и я чувствую, что мне нужна поддержка. Я сама не справляюсь. Ну, мне так кажется, — сказала я, пожимая плечами, будто моя проблема — это как почистить зубки. И никто не душил меня ночью. Все просто и обычно.

— Что-то очень серьёзное? — спросил он.

Я замялась от такого странного построения вопроса.

— Странно, я думала, что психологи спрашивают «что вас привело сюда» или «что у вас было в детстве», начинают расспрашивать про родителей, — ответила я шутливым тоном, изображая руками что-то. Мне на самом деле казалось странным, я думала, сейчас начнут рыться в моём детстве. И я ведь уже начинала ставить защиту.

— А вы хотите об этом поговорить? — спокойно спросил у меня Виктор, откладывая планшет со стола.

— Нет, — ответила я резче, чем хотелось бы.

Он внимательно посмотрел на меня, выжидая. А меня начало трясти от его взгляда. Он это заметил, но на его лице это никак не отразилось.

— Вас что-то тревожит, вы из-за чего-то сильно переживаете, — сказал он мягко.

— Я не знаю... Мне кажется, я схожу с ума. Не знаю, правильно ли говорить это сейчас, через десять минут с начало разговора. Ведь вы, с считай, незнакомец, — я убрала лицо в ладони, оперевшись локтями о колени. Мне стало как-то совсем не по себе. Но кому ещё я сейчас расскажу об этом?

Тёплая рука тронула мою руку.

— Ты не сходишь с ума, Моника, — сказал низкий голос.

Я резко посмотрела на Виктора Сергеевича. Мне показалось, будто у него блеснул красный ореол вокруг его светлых глаз. Я резко подскочила, выдернув свою руку из его.

— Я... я... я, пожалуй, пойду, — заикаясь и испуганно глядя на своего психолога, сказала я.

Я не знаю, зачем я это делала, но мне нужно было хоть как-то убедиться, что я нахожусь в реальности, и я начала стучать ногой об пол и ощупывать свой стул, будто это могло дать мне какую-то опору. Будто если я почувствую под собой твёрдую поверхность, то всё происходящее станет менее страшным.

Виктор смотрел на меня, и его лицо ничего не выражало. Ни удивления, ни беспокойства, ни желания помочь — ничего. А потом он просто улыбнулся и сказал своим спокойным, бархатным голосом:

— Что ж, в любом случае вы пришли сюда ко мне, и это уже большой шаг. А моя секретарша запишет вас на ещё один сеанс. Я думаю, на этой неделе надо будет повторить.

— Нет, следующего сеанса не будет, — ответила я резко, почти истерично. Перед моими глазами в этот момент пронёсся Хоффнин с его криками и дымом, и я выпалила: — Ни за что.

Но Виктор продолжал улыбаться, и от этой улыбки мне становилось только хуже.

— Я понимаю, — сказал он ещё более бархатно, чем раньше. — Вам нужно время, Светлана. А мы ещё свяжемся с вами. Давайте я вас провожу.

— Я сама, — ответила я, пятясь к двери.

Когда моя спина упёрлась в дверное полотно, я нащупала ручку, дёрнула её и вылетела пулей из кабинета психолога. Что я только что видела? У него загорелись красным глаза? Мне не показалось? Я не слышала, что мне говорила секретарша, я просто ринулась к лифту. Я, как настоящая истеричка, нажимала кнопку вызова снова и снова, будто от этого зависела моя жизнь. Когда кабина приехала, я залетела внутрь, стукнулась спиной о стенку, потом резко нажала на кнопку первого этажа и снова прислонилась спиной к холодной поверхности.

— Дыши, дыши, — шептала я сама себе, пытаюсь унять дрожь во всём теле.

Это провал. Это полный провал. Я пришла за помощью к человеку, у которого загорелись глаза, когда он назвал меня Моникой. Моникой! И теперь я даже не знаю, кому из нас нужен психиатр.

Глава 7

Домой я решила ехать уже общественным транспортом, на автобусе. В принципе, днём там было достаточно народа, все ехали куда-то по своим делам. Если с самого утра мне не хотелось, чтобы рядом со мной кто-то находился, то сейчас мне, наоборот, мне это было необходимо, чтобы вокруг были люди, чтобы я не оставалась одна со своими мыслями. Я быстро зашла в автобус, посмотрела по сторонам, увидела в углу свободное место и села.

Вокруг было относительно монотонно и шумно. Почему-то этот гул голосов начал меня успокаивать, я понемногу приходила в себя и, рассматривая меняющуюся картинку за окном, начала расслабляться. Беглым взглядом я обвела всех вокруг — обычные люди, каждый едет по своим делам. Вот две современные бабушки смеются и переговариваются о том, как сейчас интересно записываться к врачу. Вот компания студентов, они хохочут, размахивая тетрадками, видимо, что-то их позабавило на лекции. Вот мужчина, который нервно смотрит в телефон, потом опять в окно, и я несколько раз заметила, как он смотрел в мою сторону, но потом отводил взгляд. Рядом с ним стояла женщина, и мне показалось, что она дремала стоя.

Я спокойно перевела взгляд обратно к стеклу и начала смотреть на улицу. Автобус ехал медленно, но я и сама сейчас никуда не спешила. Я почувствовала, что меня потихоньку начинает убаюкивать, и мои глаза с будто бы отяжелевшими ресницами начали сами по себе закрываться. И сквозь это дремлющее, почти отключённое сознание я услышала разговор.

— Властелин, прошло уже два месяца. Вы думаете, она очнётся? Она не подаёт признаков жизни, — говорил голос, который я где-то уже слышала. Да, точно! Это он был тогда на лестнице в моём сне, в Хоффнине.

— Ты сомневаешься в моих решениях, Зорг? — тихо, но при этом очень властно сказал... Ян? Я знала это, я понимала, что это он.

— Нет, конечно нет, — заторопился Зорг. — Просто офицеры предлагают идти в другие города. Сейчас мы здесь осели, вышли на мировую с почти бывшим императором Хоффнина. Мы достигли цели.

— Здесь мне нравится. Я хочу осесть в этой локации временно, — голос Яна звучал спокойно и твёрдо. — Тем более, я чувствую, что ключ Стражей тоже здесь.

— А как же диверсии, которые постоянно здесь происходят? Что нам с этим делать? — спросил Зорг.

— Наблюдайте, — ответил Ян. — Я хочу выйти на главаря, на того, кто приводит к этим диверсиям. Смысл прихлопывать мышек, если есть король мышей, от которого всё идёт?

— Как скажете, мой Властелин.

Мне показалось, я прямо слышала, как кто-то удаляется — шорох тканей, шаги. А потом надо мной будто кто-то навис и начал дышать прямо мне в губы.

— И я по тебе тоскую, тварюшка, — его голос был очень низким, тягучим, почти мурлыкающим. — Когда ты планируешь ко мне вернуться?

Он произнёс это прямо в мои губы, я почувствовала его дыхание. А в следующую секунду меня будто лизнули. К своему великому ужасу, мне это понравилось. Это было как-то очень интимно и запретно, это было как будто что-то, что происходит только между мной и этим ужасом, этим тираном. Я чувствовала это, и где-то в глубине его голоса проскользнула угроза: «Я тебя накажу за это, когда ты вернёшься ко мне». Я слышала это и даже, мне кажется, чувствовала его запах — какой-то властный, мужской, жёсткий.

— Ощущение, будто ты сейчас где-то рядом, подслушиваешь и подсматриваешь, — продолжил он. — Я ведь прав, Мооооника? — моё имя из того сна он протянул и прошептал как-то тягуче, по-змеиному. — За то, что подслушиваешь, я тебя накажу и тебе это понравится.

После этого я явно почувствовала, как он жёстко сжал мои щёки своей рукой, а потом впился в мои губы, начал целовать и кусать, и от этого смешения боли и удовольствия у меня перехватило дыхание.

А в этот момент автобус резко затормозил, так что я дёрнулась вперёд, но успела сгруппироваться, и эта полудрёма, этот сон куда-то исчезли. Кто-то вокруг возмущался, кто-то начал ругаться, кто-то шептаться, а водитель автобуса нажал на гудок, и он прозвучал тягуче и громко, разносясь по всей улице. Я проморгалась, при этом трогая свои губы пальцами, и осмотрелась вокруг. А потом заметила, что на меня смотрят мужчина и женщина, которые стояли рядом, и в их взглядах читалось что-то не то. Они смотрели на меня так, будто понимали, что со мной сейчас что-то происходило. Я отвернулась и подумала, что, похоже, у меня уже начинается какая-то паранойя.

Я должна сама себе признаться. Признайся, Света, ты просто очень сильно перенервничала и сейчас, на этом истощении, тебе слышится и видится всякая ересь, и ты придумываешь себе всякое во сне. Автобус тронулся дальше, а я немного сжалась в своём кресле и подумала о том, как интересно получается — я и правду будто подслушивала. Как моё сознание могло придумать эту деталь, будто здесь прошло несколько минут, а там прошло два месяца? Мне стало интересно: а если бы это было правдой, то что сейчас происходит с тем телом, в котором я была?

Потом я сама себе улыбнулась и подумала: «Господи, какая же дичь».

Глава 8

До нужной остановки я так и не доехала, я вышла раньше. Мне нужно было подышать и пройтись пешком, потому что сидеть на месте становилось невыносимо. Я скользнула взглядом по телефону и увидела несколько пропущенных вызовов — от мамы, от адвоката, который сейчас ведёт моё дело, а ещё, почему-то, от бывшего. Что ему было нужно, я не знала и знать не хотела. Никому перезванивать я не стала, я была не готова сейчас с кем-либо разговаривать, даже с самыми близкими. Я воткнула наушники в уши и включила музыку. Заиграла красивая акустическая гитара, мелодия, которая всегда настраивала меня на нужный лад, и я пошла пешком.

Я шла долго, очень долго, и даже не замечала времени. Я не чувствовала ни голода, ничего, мне ничего не хотелось. Я, если честно, всё это время думала о Хоффнине. Почему-то меня тянуло обратно в тот сон. Мне казалось, что я должна туда вернуться и защитить этот город. Но почему я так думала? Я ведь ничего о нём не знаю, я видела его всего один раз, в огне и дыме. И всё равно, когда мысли о Хоффнине и о защите этого прекрасного, хоть и напугавшего меня города появлялись в голове, у меня начинала чесаться рука — будто какая-то неведомая сила толкала меня вперёд.

Удивительно, но я пришла в свой микрорайон на окраине только к вечеру, когда солнце уже начало садиться за горизонт. Я почувствовала, как сильно устала за этот день, полный странных событий и необъяснимых ощущений. А ещё я была безумно голодна, потому что с утра почти ничего не ела. Тело ныло от усталости, и я зашла в ближайший супермаркет, который находился не так далеко от моего дома.

Я набрала очень простой набор продуктов: сосиски, творог, сметанку, молочко, хлебешек, яйца, йогурт и спагетти — всё, что нужно для обычного холостого девчачьего ужина. А потом я остановилась у алкогольного отдела, у витрины с винами. Я очень редко пила алкоголь, очень редко, но тут мои руки сами потянулись к бутылке испанского вина. Один бокал, сказала я себе, всего один бокал, чтобы расслабиться и успокоиться после всего, что случилось. У меня дома даже стояли два винных бокала, которые, наверное, уже запылились без дела. Эта мысль почему-то меня немного позабавила.

Пока я смотрела на бутылку и держала её в руках, изучая этикетку, я почувствовала, как кто-то провёл по моей руке, а потом резко сжал моё бедро. Я замерла, не в силах пошевелиться от этих ощущений.

«Моника», — послышалось у моего уха, и его голос был таким отчётливым, будто Ян стоял прямо за моей спиной. — «Когда ты вернёшься, ты будешь подо мной кричать и извиняться. Возвращайся».

Я поперхнулась воздухом — вот это поворот. Но при этом, к моему собственному ужасу, где-то внизу живота от этого тембра, от этого обещания стало очень тепло и как-то томно. Будто моё тело откликалось на его голос раньше, чем мой разум успевал испугаться. Если я схожу с ума, то как-то очень страстно. Бутылка вина отправилась в мою корзину, и я направилась к кассе.

И вот я уже дома. Я закрыла за собой дверь, прислонилась к ней спиной и выдохнула. Свой, привычный, безопасный мир. Но почему-то я чувствовала себя так, будто вернулась не туда, где мне положено быть, а всего лишь во временное убежище перед тем, как меня снова позовут обратно.

Чтобы не мешать соседям, я включила музыку, но не через колонки, а в наушниках и на максимум. Я достала свой небогатый скромный набор продуктов и сразу же открыла бутылочку вина. Я всегда выбирала только сухое, чтобы оно, знаете, так немного вязало язык, хотя пила я его очень редко. Достала бокал, протёрла его, хотя он, конечно, и так был чистым. Налила эту красивую рубиновую жидкость и сделала первый глоток. И вот так, в наушниках, под музыку, я танцевала у плиты, потихоньку отпивая из бокала и готовя себе ужин.

В принципе мне всегда хватало одного бокала, чтобы успокоиться и снять стресс. Но сегодня стресс был слишком масштабным, слишком огромным, чтобы его можно было смыть одной порцией алкоголя. Когда я приступила к еде, я выпила уже два бокала вина, и меня понесло. Я понимала, что мне следовало бы хотя бы попить воды, но я настолько перенервничала за последние дни, что начала просто разговаривать сама с собой. Я кому-то что-то доказывала, в основном своему бывшему мужу, который, конечно же, меня не слышал. Я ходила по кухне с бокалом в руке, водила пальцем по столешнице и говорила, говорила, говорила ему, будто он стоял прямо здесь, передо мной. Вбивала ему в голову, что я не неудачница, что он поступил как подлец и что я ещё покажу ему, на что способна.

Под конец я уже не заметила, как вся бутылка опустела, и я просто поняла, что мне сейчас срочно надо в душ. Я не понимаю, как я умудрилась в таком состоянии принять душ, накинуть халат, не вытирая волосы, и доползти до постели. По пути я взяла телефон, уже падая в кровать, и увидела, что пришло новое сообщение. Я легла на спину и поднесла экран к глазам. Сообщение было от моего психолога.

«Моника, когда вернётесь, я буду ждать вас на приёме».

Я что-то невнятно пробубнила себе под нос, потому что язык уже почти не слушался, но сознание всё ещё цеплялось за реальность. Я понимала, что сейчас оно отключится окончательно. Ночник я не стала выключать специально, потому что в последнее время я полюбила спать со светом — было не так страшно. Моя рука упала вместе с телефоном на одеяло, и я начала засыпать, лёжа прямо поверх него. Моя голова повернулась набок в последний момент перед отключением, и в этом пьяном, полусонном мареве мне показалось, что в мою комнату заходят двое — мужчин и женщина, которых я видела в автобусе. Но моё сознание было настолько пьяным и измотанным, что я просто-напросто отключилась, даже не забив тревогу.

Глава 9

Сначала появились запахи. Я чувствовала что-то цветочное, свежее и в то же время завораживающее, будто попала в оранжерею, где цветут редкие растения. А ещё я чувствовала, будто рядом жгут благовония, потому что в воздухе витал сладковатый, приторный запах, который мне совсем не понравился. Он был слишком сильным, слишком навязчивым, он заполнял собой всё вокруг и мешал дышать.

А потом я начала чувствовать и слышать. Прикосновения — мою кожу на лице сначала, а потом и на руках начали чем-то натирать, будто увлажняли кремом. Но делали это не нежно, не заботливо, а грубо, будто хозяйка, которая торопится и не желает тратить время на прислугу. А услышала я шёпот, женский шёпот. И этот голос я узнала. Когда тот отвратительный Ян тащил меня за шею в дирижабле, к нему подошла женщина с красивым, мелодичным, томным голосом. Так вот сейчас говорила она, вот только голос её был совсем не томным и не мелодичным. Она шептала зло, как змея, и каждое слово сочилось ядом.

— Как жаль, что я не могу отравить тебя этим кремом, — прошипела она, и я почувствовала, как её пальцы впиваются в мою кожу. — Мой прекрасный Ян сразу поймёт, кто это устроил. Хотя кто ты сейчас? Полудохлый труп, который явно никогда не проснётся.

Её движения стали более интенсивными, почти грубыми, и я чувствовала каждое прикосновение, но не могла пошевелиться. Я не могла открыть глаза, не могла двинуть ни рукой, ни ногой, ничего. Я просто лежала и слушала, как эта женщина выплёвывает свою ненависть.

— На тебя, мерзость такая, в этом дурацком мундире, я должна тратить свои драгоценные запасы кремов, — продолжала она, и в её голосе слышалась такая злоба, будто я была виновата перед ней во всех смертных грехах. — Как же так получилось, что из всех империй ты появилась именно здесь, именно в самой неразвитой? Да ещё и Страж. Но знай, я тебе его не отдам. Ян мой.

Она сделала паузу, будто собиралась с мыслями, а потом заговорила снова, и в её голосе появилась какая-то болезненная гордость.

— Я столько сил потратила на то, чтобы он обратил на меня внимание. Из всех женщин, всех... Это постоянное намазывание специальными маслами, чтобы не сгореть, когда я с ним спала. Да я потом неделю отмываюсь от них, залечивала ожоги. Но зато я знаю, что ему нравится. Знаю, как его удовлетворить. Я буду императрицей, я буду хозяйкой всего. Запомни это, ничтожество!

Последние слова она просто выплюнула, будто они жгли ей язык. Потом я услышала шуршание, будто она собрала какие-то ёмкости, а затем тихий удаляющийся звук шагов, будто она пошла по мраморному полу, и каждый шаг разносился эхом под высокими сводами.

Я лежала и ждала. Не знаю, сколько прошло времени — минута или час. А потом я почувствовала, что могу открыть глаза, и я сделала это. Ох, ничего себе. Какой красивый свод надо мной. Расписной, с золотыми узорами, с изображениями каких-то птиц и цветов. Я смотрела

на него и не могла отвести взгляд, потому что это было похоже на сон, но я уже знала, что это не сон. Это реальность, в которую я вернулась. И, кажется, эта реальность решила меня убить.

Я, если честно, сама не понимала, почему я не удивлена. Вернее, я удивлена красоте свода, красоте этого помещения, потому что я будто бы находилась в каком-то огромном храме, но я не видела лики святых или какие-то религиозные символы. Я видела просто красивые стены, украшенные рисунками с большим количеством белых цветов, которые вились по колоннам и потолку, создавая ощущение лёгкости и простора. Я приподнялась, чтобы обвести взглядом всё вокруг, и увидела то, что и ожидала: вдоль стен стояли какие-то специальные свечи, которые горели ровным спокойным пламенем, и курились благовония, источая тот самый сладковатый запах, который мне так не понравился, когда я была без сознания.

Я опёрлась на локти, приподнимая тело, и удивилась ещё больше, потому что чувствовала я себя хорошо, даже очень хорошо. У меня ничего не болело, не ныло, не тянуло, будто я выпалась после долгого и тяжёлого пути. Я лежала на чём-то, что напоминало то ли алтарь, то ли постамент, и находилось это ровно посередине зала. Я слегка усмехнулась сама себе, потому что создавалось такое ощущение, будто этот храм был посвящён именно мне, будто меня здесь ждали и готовили к чему-то важному.

Я присела, свесив ноги, и заметила, что до сих пор нахожусь в том самом одеянии, похожем на длинный мундир, только теперь оно было чистым, без крови и пыли. Перчаток на руках не было, но они висели на моём поясе, который был защёлкнут поверх этого интересного пиджака-пальто. А ещё меня удивили мои волосы — они были распущены, и в них были вплетены белые цветы, те самые, которые были изображены на рисунках повсюду. Именно они и источали тот приятный, свежий запах, который я почувствовала первым. Они были похожи на лилии, но немного другие, более лёгкие и воздушные, и при этом они оставались свежими, будто их только что сорвали.

Меня настигла мысль, что этот сон слишком детализирован, слишком уникален, слишком реален, чтобы быть просто игрой воображения. Было ощущение, что это и не сон вовсе, а что-то совершенно иное. Я опустила ноги на пол, выложенный камнем, похожим на мрамор. Всё здесь было выдержано в бежево-зелёных тонах, и, конечно же, повсюду белые цветы.

Я находилась в огромном зале, а дальше виднелся коридор, который вёл к открытому пространству, откуда пробивался солнечный свет. Я видела небо, и меня потянуло туда, на воздух. Я двинулась к выходу, заметив по пути, что помещение было совершенно пустым, если не считать мягких кресел, стоявших недалеко от постамента, и маленького столика рядом с ними, будто кто-то часто проводил здесь время, наблюдая за мной.

Я почти бесшумно прошла до выхода и, аккуратно жмурясь от яркого солнца, вышла наружу.

Здание, в котором я находилась, явно стояло на какой-то большой возвышенности, и передо мной снова открылся Хоффнин. Я узнала его по очертаниям башен и изгибам улиц, хотя сейчас он выглядел иначе — спокойным, почти мирным.

Рядом кто-то вскрикнул — и справа, и слева одновременно. Я повернула голову поочередно и увидела двух мужчин, которые тряслись, глядя на меня, и испуганно показывали пальцами в мою сторону. Если честно, по виду они напоминали стражников, но не тех, которые

нападали на город. Эти были в каких-то цветных мундирах, более ярких и нарядных. Один из них охнул и просто упал в обморок, закатив глаза, а второй, недолго думая, пустился наутёк, так быстро, как только могли нести его ноги.

Я пожала плечами. Это что, я их так напугала? Ну ладно.

Я вытряхнула из волос все эти белые цветы, аккуратно сложила их в сторонку на каменные ступени и двинулась вниз по лестнице, которая с горы вела прямо в город. Я шла и наблюдала, рассматривая всё вокруг. Сегодня небо было чистым, таким же голубым, как и в моём мире, и это почему-то радовало. Этот мир был похож на наш, и мне, если честно, казалось, что это что-то вроде переселения душ. Я никогда не верила в такие вещи, но как иначе объяснить то, что со мной происходит?

Ну вот, я здесь, и я постараюсь найти в городе ответы. У них же точно есть какие-нибудь библиотеки или архивы, где хранятся знания. Интересно, сколько времени я здесь отсутствовала? Я не видела ни одного сгоревшего здания, хотя помнила, как город полыхал знатно в прошлый раз. И я пока не встретила ни одного из тех стражей в чёрных доспехах. Может быть, их уже нет в городе?

Ладно, сначала нужно спуститься в город, потому что этот храм, или что это было, находился очень высоко. Но меня порадовало, что тело, в котором я сейчас нахожусь, было очень натренированным — я чувствовала это по каждому шагу, по тому, как легко мне давался спуск, будто я занималась спортом всю свою жизнь.

И вот я спустилась и захожу на улочки. Если честно, когда я очнулась в первый раз, город напоминал какой-то европейский городок конца XIX или начала XX века, с его каменными зданиями, высокими окнами и узкими мостовыми. Сейчас же я входила в какие-то, я бы сказала, почти деревенские поселения, и, видимо, это была окраина. Я попала на что-то вроде ярмарки, и это было удивительно и интересно. Но люди, завидев меня, удивлялись и перешёптывались, некоторые даже делали какие-то странные знаки — прикладывали руку к сердцу и слегка наклоняли голову, будто показывали знак уважения. Кто-то шептался: «Это же Страж, это же Страж, хранитель». Некоторые смотрели на мои руки и резко отводили взгляды, и я решила, что лучше надеть перчатки, что и сделала. А кто-то смотрел на меня и говорил: «Богиня проснулась». И это было безумно интересно, потому что я понятия не имела, кто я для этих людей и почему они так реагируют.

Я прошла дальше, обошла всю ярмарку, но сильно рассматривать ничего не стала, потому что меня интересовало другое. Меня интересовало что-то вроде библиотеки. Интересно, смогу ли я читать местные документы, и как работает их система — выдадут ли мне вообще что-нибудь, если я попрошу? Город, судя по всему, процветал, по крайней мере на первый взгляд. Единственное, что меня смущало, — это флаги или флагштоки, я даже не знаю, как это правильно назвать. Они были чёрно-красными, и красный цвет напоминал огонь. Если я правильно понимаю, скорее всего, город всё-таки находился под властью этого Яна.

Я прошла ещё дальше, и постепенно здания становились всё более похожими на те, которые я видела в самый первый раз — высокие, статные, с удлинёнными окнами. Я шла и шла, а потом до меня дошло, что надо спросить у кого-то дорогу. Люди передо мной расступались, и это было странно, потому что я не привыкла к такому вниманию. Одеты они были все по-разному: на женщинах были длинные платья — аккуратные, удобные, с простым покроем, — а

на мужчинах встречались и рубашки с туниками и штанами, и кто-то носил пиджаки. В общем, мода здесь была совершенно разная, и это создавало удивительную смесь стилей и эпох.

Стражей я вообще не видела, ни тех, кто нападал на город, ни тех, кто охранял храм.

И как только я захотела подойти к кому-то и спросить про библиотеку, как раздался оглушающий звук, похожий на звук горна. Я зажала уши руками, потому что слышать его было невозможно. Мне показалось, что от него затряслась земля и задрожали здания вокруг. Он прозвучал один раз, потом второй, и уже на третий раз я подумала, что потеряю сознание, настолько это было невыносимо.

Люди засуетились и начали прятаться в разные стороны. Ставни на окнах захлопывались, шторы задёргивались, лавочники сворачивали свои товары и бежали внутрь помещений. А звук продолжал нарастать, и мне казалось, что с каждым разом он становился всё сильнее, а земля тряслась всё масштабнее. Мне захотелось спрятаться от этого ужаса, и я побежала куда-то, не разбирая дороги. Я забежала в тёмную подворотню, села за деревянную бочку, прижалась спиной к холодной каменной стене, вся сжалась в комочек, снова зажала уши и закрыла глаза, потому что больше не могла выносить эту боль. Но горн всё дудел, звучал и звучал, проникая внутрь черепа, и я начала раскачиваться вперёд-назад, пытаясь хоть как-то успокоиться, и только тогда поняла, что у меня текут слёзы.

А потом горн резко остановился. Тишина наступила такая внезапная, что она показалась даже страшнее звука. И в этой тишине мои руки накрыли чьи-то огромные ладони. Кто-то сел передо мной на корточки, и я, захлёбываясь слезами, попыталась открыть глаза, которые застилала влага. Тело, которое было прямо передо мной, заполнило собой всё вокруг, и в мои глаза уставились два ярких, пылающих красных огня.

— Я так долго ждал тебя, тварюшка, — сказал он, и его голос прозвучал тихо и тягуче, будто он сдерживал себя из последних сил.

Глава 10

Облегчение от того, что горн перестал звучать и мне больше не больно, сменилось страхом. Страхом, что сейчас он опять схватит меня за горло и поднимет в воздух, как безвольного котёнка, как какую-то тряпочку, с которой можно делать всё, что ему захочется.

— Пожалуйста, не делай мне больно, — взмолилась я, и мой голос прозвучал тихо и жалко, но я не могла с собой ничего поделать.

Его глаза резко перестали быть красными и огненными, и я увидела их уже удивленные и карие, которые смотрели на меня с чем-то похожим на недоумение. Именно глаза выдали его эмоции, потому что лицо не выражало ничего — ни злости, ни радости, ни изумления, ничего. Он продолжал сидеть на корточках передо мной и просто смотрел, будто пытался прочесть что-то у меня в душе.

— Я не Страж, и я хочу понять, что происходит! — сказала я, собираясь с силами. Я чувствовала, что сейчас, именно в эту минуту, я должна была ему это сказать, иначе потом уже не решусь.

Он ухмыльнулся одним уголком рта, и вот именно сейчас его взгляд стал хитрым и злобным одновременно, будто он знал что-то, чего не знала я.

— Тварюшка, неужели ты думаешь, что мне важно, откуда твоя душа и кто внутри этого тела? — его голос звучал почти ласково, но от этой ласки мне стало только страшнее.

Эти слова сильно резанули меня, потому что я испугалась по-настоящему. Они были очень странными и непонятными. Что он имеет в виду? Откуда моя душа? Кто внутри тела? Я открыла рот от неожиданности и почувствовала, как у меня затряслись губы, и я хотела сказать что-то в ответ, но не успела.

Его огромная пятерня резко зашла мне за затылок, и он притянул мою голову, моё лицо к своему, а потом впился в мои губы. Он снова начал терзать и целовать меня, всё сильнее и сильнее, будто хотел выпить меня целиком, без остатка. И что-то глубоко внутри меня начало отзываться на эту страсть, на эту грубую силу. Нет, я не отвечала ему, я наоборот вжимала в его широкую горячую грудь свои кулачки, которые казались кукольными по сравнению с масштабами его тела. Он был огромным, горячим, и от него пахло огнём и чем-то ещё, что кружило голову.

А потом он схватил меня за плечи, просто поднял, поставил на ноги и впился в мои губы ещё сильнее, прижав меня спиной к холодной стене подворотни. Он вдавливался и вдавливался, и тут я пискнула, потому что мне стало уже не просто страшно, а больно.

— Прекрати! — выкрикнула я, и мой голос сорвался на визг.

Он замер. И посмотрел на меня так, будто я сказала что-то невероятное.

— Тысячи женщин из разных империй хотят попасть ко мне в постель, — прорычал он мне прямо в лицо, выкрикивая почти каждое слово с негодованием и злостью. — А ты, та, которая реально может быть там без всяких специальных средств, говоришь мне «прекрати»? Я тебя ждал три месяца! Я ни одну женщину не привёл к себе в постель за это время, потому что хотел только тебя. И ты мне сейчас хочешь отказать?

Он резко оттронулся от меня, отошёл на шаг и смотрел на меня злобно, тяжело дыша. Я смотрела на его лицо, и внутри меня начало что-то складываться. Он остановился. Он сделал это, когда я попросила. Зачем? Почему он прислушался к моему отказу, если он тиран и может брать всё, что захочет?

Я не успела додумать эту мысль до конца, потому что он резко подошёл ко мне, схватил на руки, сделал два шага из подворотни, и мы уже рванули в небо на всей скорости. Ветер ударил в лицо, и я зажмурилась от страха.

— Нет, мне страшно, пожалуйста, не так быстро! — закричала я, пытаюсь вцепиться в его грудь, но его одежда была скользкой и не давала опоры. Я просто прижалась к нему изо всех сил, как могла, и уткнулась лицом в его плечо, чтобы не смотреть вниз.

Он не ответил, даже не показал, что услышал меня. Но я почувствовала, как он сильнее сжал свои руки и прижал меня к себе крепче, защищая от ветра. И от этого жеста мне стало немного легче, хотя сердце всё ещё колотилось дико от испуга и адреналина.

Я почувствовала, будто мы идём на снижение, набралась смелости и выглянула из-за его плеча. Мы спускались к какому-то явно большому зданию, которое было больше похоже на усадьбу с огромным количеством охранников вокруг. Удивительно, но там было очень красиво — огромные сады, ухоженные дорожки, цветущие кусты, а само здание оказалось светлым, красивым, каким-то дышащим, живым, что ли. Я думала, что мы опустимся прямо в сады, но Ян просто приземлился на балкон, статусный, весь украшенный резными перилами и живыми цветами в вазонах, и зашёл в открытые двери.

А потом он просто кинул меня на огромную кровать.

Я не успела оценить ни комнату, ни обстановку, ни даже цвет стен, потому что он бросил меня на живот, и я резко вскочила на четвереньки как кошка, перевернулась и села, пытаюсь понять, откуда исходит угроза. То, что он кинул меня на кровать, давало понять — это огромный намёк на продолжение, причём намёк почти неприличный. Я рыкнула, сама не ожидая от себя такого звука, и начала лихорадочно искать по сторонам, чем бы я могла двинуть этому огромному амбалу, который чуть что хватает меня. Нет уж, я не дам себя в обиду, не в этот раз.

Двери на балкон резко закрылись сами собой. Как? Он ещё и телекинезом владеет?

Он начал наступать на меня, схватил свой плащ, рванул его прямо на себе одним движением, и в этот момент у него из рук вырвались языки пламени. Он уже был без перчаток, и огонь просто превратил его одежду в пепел за секунду. Я закричала от испуга, думая, что сейчас и я тоже вспыхну, как сухая щепка.

— Я так долго терпел, я ждал тебя! Я не позволю тебе всё испортить! — прорычал он сквозь зубы, злобно глядя на меня.

— Не смей! Не приближайся ко мне! — заорала я на него — не запищала, не взмолилась, а именно заорала. Я схватила подушку, будто она могла стать хоть какой-то преградой между мной и огнём, который он начал испускать от себя со всех сторон. Ковёр под ним уже начал тлеть, потом загорелся, и от этого мне стало ещё страшнее.

А потом я его увидела. По-настоящему. Он был красив. Полностью голый, без одежды, без перчаток, без защиты. Такого идеального, такого совершенного мужского тела я никогда не видела — ни в жизни, ни в кино, ни даже на картинках. Я на автомате опустила взгляд ниже, и у меня перехватило дыхание. Нет. Я нет. Нет, нет, нет. Это не будет во мне. Это просто... это не поместится во мне. Ни в каком формате.

Я начала отступать, потому что огонь уже перекинулся на постель, полз по покрывалу, по подушкам. Свою защиту я кинула и она тоже загорелась. Ян излучал пламя всё сильнее и сильнее, пульсации шли от него, как от раскалённой печи. Его глаза пылали красным, вся его кожа горела, вернее, её обволакивал огонь. Он исходил из него, но сам он не горел, оставался целым и невредимым.

Он ринулся на меня, и я закричала, потому что он схватил меня и повалил на спину. Я закрыла голову руками, думая, что всё, сейчас я стору заживо, но сторела только моя форма — пиджак-плащ, рубашка, брюки, всё превратилось в пепел за одно мгновение. А я осталась полностью голой. И его огонь, он переходил на меня, но он не делал больно. Он был просто чем-то обволакивающим, тёплым, ласковым даже, будто меня нежно гладили со всех сторон сразу.

Всё вокруг нас сторело дотла — кровать, подушки, покрывало, ковёр, но огонь не пошёл дальше, он замер на границе, будто Ян контролировал каждую искру. Я лежала на голом полу, на куче пепла, и смотрела на этого мужчину, который нависал надо мной. Его пылающие глаза смотрели прямо в мои, а потом он перевёл взгляд на мои плечи, где его огонь полз по моей коже, не причиняя вреда, а будто пробуя меня.

— Что происходит? — прошептала я и почувствовала, как у меня потекла слеза по щеке. — Что ты делаешь со мной?

— Моё проклятие приняло тебя, — сказал он, и в его голосе не было злобы. Только какая-то странная, пугающая нежность. — Ты моя избранная. Та, кто родит мне ребёнка. Та, кто будет со мной завоевывать империи и править всем и везде.

А потом он наклонился и слизал с моей щеки мою слезу. Медленно, аккуратно, будто пробуя что-то очень ценное. Сделав это, он плавно переместился губами к моему уху, и я продолжала лежать под ним, окружённая его огнём, который всё ещё лизал мою кожу, но не жёг.

— Ты везде такая сладкая? — прошептал он мне на ухо.

— Что? — прохрипела я, не понимая. — Что ты... о чём ты?

Я лежала, голая, на пепле, под тираном, который только что сжёг целую комнату вокруг нас, и почему-то единственное, о чём я могла думать в этот момент, было то, что я совсем не хочу от него убегать. И это пугало меня больше, чем огонь.

Глава 11

Я заворожённо смотрела на Яна. Почему-то у меня складывалось ощущение, что я знаю его не один день и не одну ночь, будто мы прожили вместе какой-то долгий промежуток времени, который я просто не помню. Его запах, его взгляд, устремлённый на меня, и даже то, как я сейчас упиралась руками в его грудь, пытаясь отодвинуть от себя — всё это было безумно знакомым. И огонь, который плавно перетекал с него на меня, и эта испачканность в саже, покрывавшая наши тела — будто всё говорило мне, что это нормально, что так и должно быть.

Он замедлился, и в его движениях больше не было того резкого, хищного рывка, которым он руководствовался, когда мы только попали в эту комнату. Он просто игнорировал мои руки, нагнулся и приблизился к моей груди. Я попыталась упираться, отталкивать его, но делала это как-то странно, неуверенно, будто сама не знала, чего хочу. Да и если честно, он был настолько сильным, огромным, тяжёлым, что все мои действия были просто ни о чём — муха, бьющаяся о стекло.

Он просто лизнул мой сосок, и на него снова перетёк огонь, коснулся меня своим жаром. Меня будто обдало сильнейшим теплом, которое разлилось по крови, по каждому сосуду, по каждой клеточке тела. Я выгнулась, потому что никогда в жизни не ощущала такого удовольствия от одного-единственного движения другого человека. Я зажмурилась, и мои кулачки, которые всё ещё упирались в его грудь, затряслись мелкой дрожью.

Я резко открыла глаза и спросила, тяжело дыша:

— Что это? Что со мной только что произошло?

Он хитро улыбнулся, будто знал какое-то таинство, которое было мне неизвестно, будто я только что раскрыла ему что-то очень важное. И я поняла это сама — я была на грани. Я чуть не кончила от простого прикосновения, от одного лишь движения его языка. От того, что можно назвать почти целомудренным, если не знать, что происходит на самом деле.

Он приблизил своё лицо к моему и начал шептать прямо в губы своим бархатным, низким голосом:

— Представляешь, что с тобой будет, когда я тебя просто начну брать? Когда я буду всаживаться в тебя по полной программе, не щадя ни скорости, ни тебя самой?

Потом он сместился к моему уху, и его губы задевали мою кожу с каждым словом:

— Я тебя не буду жалеть нисколько. Ты заслужила наказание. Я буду брать тебя грязно и туда, куда захочу.

Его слова падали в меня, как капли раскалённого масла, оставляя ожоги где-то глубоко внутри. И вместо того, чтобы испугаться, я почувствовала, как низ живота снова отозвался теплом и влагой, и я ненавидела себя за это, но ничего не могла с собой поделать.

А потом он просто своей рукой провёл у меня между ног. Сделал это аккуратно, продолжая шептать мне на ухо, и его голос звучал так, будто он уже знал ответ, но хотел услышать его от меня.

— В этой империи Стражи целомудренны. Это так?

— Что? Но я не... — начала я, но в этот момент заткнулась, потому что его пальцы оказались прямо между лепестками моего лона, и я сначала просто затряслась, не в силах вымолвить ни слова.

Он увидел мою реакцию и провёл пальцем обратно вверх, а потом ещё раз вниз, медленно, изучающе, будто читал моё тело как открытую книгу. Меня задёргало судорогой, потому что я кончила — феерично, ярко, неожиданно для себя самой. Я стонала и даже царапала его спину, вцепляясь ногтями в его горячую кожу, и не заметила, как он вывел из меня пальцы, довольный провёл ими по своим губам, а потом закатил глаза явно от удовольствия, будто пробовал что-то очень вкусное.

Да что такое происходит? Что это за феерия? Я не понимала уже, где я и кто я. А он открыл глаза и сказал с удовлетворением в голосе:

— Да, ты девственница.

— Какой ужас! — прохрипела я, потому что до меня наконец дошло, что мне предстоит. То, что он меня возьмёт, я уже не сомневалась. Вопрос был только в том, когда.

Он уставился на меня, и его взгляд потемнел, стал тяжёлым, опасным. А потом он спросил злобно, сквозь зубы, и в его голосе зазвучала ревность, которую он даже не пытался скрыть:

— То есть в другом своём мире ты не девственница?

И вот тут мне захотелось его ужалить. Мне захотелось сделать ему больно, потому что он только что сделал больно мне, вторгшись в моё тело без спроса. Я ответила с вызовом, тоже сквозь зубы, глядя ему прямо в глаза:

— Скажу больше. Я замужем. У меня есть муж. И тебе явно не переплюнуть его как любовника. И я его люблю!

Конечно же, я наврала. Но зачем ему знать правду? Пусть подумает, что я не просто так ему досталась, пусть помучается.

Его глаза резко загорелись красным, и от него во все стороны пошло дикое пламя, которое взметнулось к потолку и опалило стены. В этот момент я испугалась по-настоящему, потому что поняла — я переборщила. Он действительно разозлился. Он не стал церемониться. Он просто резко раздвинул мои бёдра, очень широко, почти до боли, и вошёл в меня одним резким, безжалостным движением.

Я закричала, потому что почувствовала острую, сильнейшую боль, которая разорвала меня изнутри. А он даже не дал мне времени привыкнуть, даже не замер на секунду — он сразу же вышел полностью и опять полностью зашёл, и начал делать это резко, безудержно,

неумолимо, будто хотел наказать меня за каждое сказанное слово. Но с этой болью смешалось кое-что ещё. Ярчайшее удовольствие, которое я никогда и ни с кем не чувствовала. Оно было настолько сильным, настолько всепоглощающим, что меня сразу же начало бить в конвульсиях, так сильно, что Яну пришлось прижать меня к полу, чтобы я не вывернулась из-под него.

Мы кричали от удовольствия оба — и я, и он. Мы выгибались, и он был так красив в своей пламенной злости, такой дикий, такой нечеловеческий. Он кончал долго, и последний его толчок вошёл в меня так глубоко, будто пробивал меня до самого сердца, оставляя там свой след. А после он упал на меня, даже не пытаясь удержать свой вес, просто рухнул и придавил собой. Он упёрся лицом рядом с моей головой и зарылся носом в мои волосы, тяжело дыша.

— Не зли меня. Я не хочу делать тебе больно, — прошептал он с закрытыми глазами, замолчал на секунду, а потом добавил совсем тихо, почти неслышно. — Но ты меня доводишь.

А я лежала под ним, стараясь не двигаться, потому что он до сих пор был во мне, и на смену удовольствию пришло дикое жжение между ног, пульсирующее и ноющее. И в этот момент краем глаза я увидела на своей ладони серебряное свечение. Оно было блеклым, едва заметным, но оно было. И я почему-то сразу поняла — это светится то, что все искали. Ключ. Тот самый, о котором говорили военные, когда проверяли руки у пленников.

Я сжала кулак, пряча свечение. Я поняла, что Ян не должен о нём узнать. Не сейчас. Может быть, никогда.

— Ты слезешь с меня? — тихо спросила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Нет, — ответил он так же тихо, не открывая глаз.

— Мне сложно дышать, ты тяжёлый. И тут грязно, и мне неудобно на всём этом лежать.

Мне показалось, я услышала, как он недовольно цокнул, но поднялся. Я увидела, что его бёдра и всё его тело было в крови — моей крови, смешанной с потом и сажой. Я и сама была в ней вся, мы оба были измазаны в саже, в крови, в поту, и в общем мы были очень грязными.

Он поднял меня на руки, как пушинку, и куда-то понёс.

— Мы голые, нас увидят, и куда ты меня несёшь? — спросила я, чувствуя себя глупо из-за этого вопроса.

— В купальни. Они рядом, — ответил он устало, почти недовольно. — Во-первых, все убежали давным-давно в специальные защищённые места, потому что все прекрасно понимали, когда я летел с тобой, что сейчас будет огонь. Думаю, тебя и меня слышали все. И все специально ретировались, чтобы не попадаться мне на глаза под горячую руку.

Если честно, я не знаю, что было вокруг, потому что я смотрела на него. Он нёс меня, такой красивый, целеустремлённый, и я только сейчас оценила его волосы. Они были цвета горького шоколада, красивые, густые, но при этом такие жёсткие на вид, что рука сама тянулась потрогать. Я не смотрела по сторонам, не замечала ничего вокруг, потому что всё моё внимание было приковано к нему. Я думала, что он занесёт меня в такие же купальни, как тогда на дирижабле, но это оказалась просто огромная комната с небольшим бассейнчиком. Я даже не

заметила, как мы спустились на какой-то первый этаж, видимо, потому что я была слишком поглощена им. Здесь же стояла большая ванна, похожая на джакузи, и он выбрал именно её. Он просто залез сам и положил меня спиной к себе на грудь, устраиваясь поудобнее.

Я отметила про себя, что вода здесь явно была подготовлена заранее, будто кто-то знал, что их властелину и его добыче она пригодится. Это было и удобно, и немного пугающе — насколько здесь всё предсказуемо и дисциплинированно.

— У тебя здесь все выдрессированы? — спросила я, расслабляясь в тёплой воде и чувствуя, как напряжение покидает моё тело.

— Не все, — ответил он, и в его голосе послышалась лёгкая усмешка. — Например, ты пока ещё не поддаёшься дрессировке. Но ничего, со временем и ты сломаешься.

Эти слова отрезвили меня, как ушат холодной воды. Они дали мне понять, что я всё-таки здесь с тираном, с ужасным человеком, который захватил империю и правит железной рукой. Я нахожусь в теле Моники, в этом странном, пугающем и прекрасном мире, и я не знаю, чего ждать дальше. И именно сейчас ко мне потихоньку начало приходить какое-то здравомыслие, которое было так необходимо, чтобы не потерять себя окончательно.

— Ты, я, это тело, этот мир — они настоящие? Реальные? — спросила я, сглатывая, потому что чувствовала, как от волнения у меня пересыхает горло.

— Реальнее некуда, — спокойно ответил Ян, будто он каждый день вёл беседы с попанданками и его это уже несколько не удивляло.

— И как часто происходит попадание чужого сознания в новые тела? — спросила я, затаив дыхание.

— Редко, очень редко. Но это случалось, по крайней мере, на наших землях, — сказал он задумчиво. — В основном это происходит, когда погибает сознание либо душа действующего тела.

Меня озарила резкая догадка, как вспышка молнии. Никос говорил, что тело Моники упало от взрывной волны, что она отлетела и разбилась. Значит, сама Моника мертва. Её душа погибла, и моя заняла это место. От осознания этого меня затрясло, я попыталась привстать, вырваться из его рук, но он удержал меня, сцепив руки поверх моих будто замком. Видимо, он понял, о чём я думаю, потому что начал аккуратно поглаживать мои руки, талию, бёдра, успокаивая, возвращая в реальность. А в следующую секунду он просто поцеловал меня в макушку — так нежно, что у меня перехватило дыхание.

— Не думай ни о чём, — сказал он тихо. — Всё, что было, — было. Важно то, что именно сейчас.

Я глубоко задышала, чтобы справиться с этой новой, пугающей правдой, которая обрушилась на меня. Чтобы не разрыдаться и не начать биться в истерику прямо здесь, в его объятиях.

— В своём мире я просыпаюсь будто бы спала, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — И у меня ощущение, что я схожу с ума. А вдруг всё-таки это сон? Или я это выдумываю своим воспалённым, больным разумом?

— Но я не чувствую себя чьей-то выдумкой, — усмехнулся он. — Да и как ты могла меня такого выдумать? Что же у тебя за фантазии такие больные?

А ведь он прав. Здесь слишком всё детализировано, слишком реально. И я бы точно не выдумала такого психа, как этот Ян, и уж тем более не сделала бы себя какой-то его избранной или кто я там есть. Так, ладно. Понятно. Просто я попала в какую-то странную книжку — и всё этим объясняется. Так, ладно, теперь надо попытаться разузнать у него про этот мир и про то, что здесь происходит.

— Какой ключ вы искали? — спросила я осторожно. — Когда я попала сюда в первый раз, вы говорили про какой-то ключ, каких-то стражей. Я хочу понять. Расскажи, пожалуйста.

Я аккуратно вывернулась из его рук и повернулась к нему лицом, чтобы видеть его реакцию. Он посмотрел мне прямо в глаза, и мне показалось, что он что-то заподозрил, потому что его взгляд стал глубже, тяжелее, будто он пытался прочесть меня, анализируя каждое движение, каждую эмоцию.

— Тебе не надо об этом думать, — сказал он жёстко. — Твоя задача — рожать мне детей. А больше тебе не о чем беспокоиться.

Это меня резануло. Я попыталась встать, упёрлась руками в его грудь, ногами попыталась опереться о дно ванны, но так неудачно двинулась, что просто раскрыла бёдра прямо над ним, и мой протест, который я хотела ему предъявить, окончился совсем другим — нашими криками и стонами удовольствия, уже в этой купели. И да, вы правильно поняли — криками и стонами, потому что он снова взял меня, прямо в воде, прямо в этом тёплом коконе, и я снова кончила, снова выгнулась, снова потеряла себя.

Вот я уже лежу на нём, на его груди, и глубоко дышу, чувствуя, как его руки гладят меня по спине, по пояснице, по ягодицам — успокаивающе, почти нежно. Очень странно, но я почти не чувствовала боли. Может быть, здесь какая-то вода с заживляющими свойствами?

Он будто прочитал мои мысли, потому что сказал, не открывая глаз:

— Всегда готовят воду со специальными травами. Заживляющими.

И тут до меня дошло. Девушки, которые были с ним, которые разделяли с ним постель, специально мазались специальными средствами. И та женщина, про которую я слышала — она заживляла свои ожоги после него. Значит, он не только огонь, но и его прикосновения могут ранить? Или это только для тех, кто не избранная?

— А как с тобой спали другие женщины? — спросила я, сама не ожидая от себя этого вопроса.

Он резко открыл глаза и посмотрел на меня. И снова этот тяжелый, изучающий взгляд, будто он пытался понять, что я хочу услышать и зачем мне это знать.

— Для избранной ты какая-то любопытная, — сказал он холодно. — Тебя не касается мой гарем.

— У тебя есть гарем? — удивилась я и приподнялась на локтях, упираясь в его грудь.

Не то чтобы я ревновала, но меня это удивило и даже кольнуло где-то внутри — ведь он же говорил, что я избранная, что он ждал меня три месяца, что я могу быть с ним без защиты. А у него есть гарем? Я не то чтобы планировала конкурировать с другими женщинами из-за этого Яна, но... просто меня это задело. Я опять осадила себя: о чём я вообще думаю?

— У тебя нет прав что-либо мне говорить по этому поводу, — мрачно ответил Ян, и его взгляд снова загорелся красным, будто я задела что-то очень важное и болезненное для него.

Я не знаю, что на меня опять нашло. Ведь только что он проявлял ко мне агрессию, и он только что сам попросил меня не провоцировать его. Но я не удержалась. Я опять процедила сквозь зубы, глядя ему прямо в глаза:

— Скорее бы проснуться и вернуться к своему мужу.

Его глаза снова загорелись огнём, а вода вокруг нас забурлила так, будто в ней закипело само дно. Это было очень неприятно, потому что горячая вода обожгла мою кожу, и я вскрикнула от неожиданности и боли.

А он резко вскочил, не дав мне опомниться, и снова взял меня за горло. Я снова повисла на его руке, беспомощная, как тряпичная кукла. Он держал меня на весу, спокойно вылез из ванны, перешагивая через бортик, и я не могла даже дёрнуться. Сознание начало уплывать от меня, потому что мне снова не хватало кислорода, лёгкие горели, а перед глазами поплыли чёрные круги.

А потом я услышала звонок моего телефона. Он был таким настойчивым, резким, чужим в этом мире, что я снова вынырнула из тела Моники, будто меня выдернули за волосы из глубокой воды. И я снова увидела себя со стороны — как мои глаза закрываются, как руки и ноги повисают, как тело становится безжизненным.

И в этот момент я увидела его лицо. Лицо Яна. На нём был дикий ужас. Нет, не испуг, не злость — именно ужас, какой-то первобытный, животный страх, смешанный с обречением. Он резко отпустил моё горло, подхватил меня, упал на колени прямо на каменный пол, прижимая к себе так сильно, будто хотел срастить наши тела в одно, будто боялся, что я исчезну навсегда.

И уже когда я улетала куда-то в слепящий белый свет, теряя его лицо, его руки, его запах, я увидела, как у него по щеке стекает слеза. Она падает на тело Моники, на её бледную кожу, и я успеваю подумать, что тираны не плачут.

Но этот плакал.

Глава 12

Я открыла глаза, лёжа на своей кровати. Я чувствовала, что ещё явно рано, но при этом была отдохнувшей, выпавшейся, и никакого похмелья после вчерашней бутылки вина не было и в помине. Звонок в телефоне не унимался, я взяла его в руки и увидела незнакомый стационарный номер. Я посмотрела на экран буквально пару секунду, а потом взяла трубку.

Ах да, я была у себя в комнате. Неудивительно.

— Алло, — мой голос звучал хриловато после сна, но это быстро прошло.

— Светлана Николаевна, здравствуйте, — раздался в трубке уверенный, настойчивый мужской голос. — Я Александр Николаевич Горский, я веду ваше дело, связанное с разглашением коммерческой тайны. Хотел бы поговорить с вами сегодня, провести беседу. Вам удобно подъехать через час?

— Но, насколько я знаю, это уголовное дело вёл другой человек, с которым я уже беседовала, — ответила я, стараясь говорить спокойно. — И сейчас я позвоню адвокату и...

— Скажем так, это будет немного нестандартная беседа, и в принципе адвокат здесь не нужен, — перебил он меня, но без грубости, скорее с какой-то странной уверенностью. — В вашем деле произошли изменения, которые вам понравятся. Приезжайте, адрес я вам скину.

И он просто положил трубку. Даже не дождался моего ответа. Буквально через секунду с какого-то сотового номера мне пришло смс с адресом. Я посмотрела на время — семь часов утра. Ничего себе, он хочет, чтобы я к восьми подъехала? Что за полоумный?

Но адрес был не так далеко от меня. Я отложила трубку и посмотрела в потолок.

Так, Света, думать о том, что было сейчас в твоём сне, ты не будешь. Я закрыла глаза и прикусила губу, но мысли всё равно полезли. Я ещё никогда не получала такого удовольствия. Вот именно сейчас я узнала, что значит биться в конвульсиях от оргазма. А потом я улыбнулась. Я, наверное, точно схожу с ума, потому что мне хотелось вернуться. К нему. К Яну. Мои мозги просто отказывались это понимать, но мне было хорошо в его объятиях, хоть он был жесток и хоть он тиран.

О, Господи.

И тут пришла ещё одно смс. На этот раз от моего психолога.

«Светлана, доброе утро. Я думаю, нам надо с вами провести сеанс. Скажите, в какое время вам удобно?»

Я посмотрела на экран и задумалась. Ещё одна тайна, непонятная мне. Теперь я понимаю, что мир, в который я улетаю во сне, очень похож на реальный. А у психолога я видела красные глаза, и он назвал меня Моникой. А что, если...

«Здравствуйте. Я подъеду к вам к двенадцати, если вы не против», — написала я ему.

«Буду с нетерпением ждать», — пришёл ответ почти мгновенно.

Я встала и быстренько направилась в душ, чтобы хоть немного привести себя в порядок. По пути я окинула взглядом свою квартиру, и мне показалось, будто здесь кто-то прибирался. Очень странно. А ещё у меня было ощущение, будто за мной наблюдают. Я повернулась — никого. Странно, мне показалось, что я вчера кого-то видела, но, наверное, нет. Я пошла в душ, стараясь не думать о том, что ждёт меня впереди — ни встреча со следователем, ни сеанс у психолога не предвещали ничего хорошего.

Я выпрыгнула из душа и открыла шкаф, надеясь надеть что-нибудь, что подошло бы и для поездки к новому, как я поняла, следователю, а потом и для визита к психологу. Как странно — я замерла перед открытой дверцей шкафа-купе, потому что не помнила этого платья. Я аккуратно достала его — платье было длиной чуть выше колена, из шифона с красивым подкладом. Оно было кремовым, с милыми, почти невесомыми розочками по всему подолу.

Я удивилась. Да что со мной творится такое. Как это платье могло попасть ко мне в шкаф? Может быть, я когда-то его купила и забыла? Но я ведь давно здесь толком не меняла вещи. Я открыла комод с нижним бельём и снова удивилась — откуда это у меня здесь? Я достала красивое бельё, идеально моего размера, очень дорогой марки. Бюстгальтер был кремовым, его чашечки — из гипюра, с теми же розочками, что и на платье, такие же трусики. Очень странно, я тоже его не помнила, но я надела его. Размер идеально подошёл. И платье, и бельё были шикарными, и я почему-то чувствовала, что именно сейчас я должна это надеть. Если честно — я устала удивляться.

Быстренько заточив бутерброд и выпив кофе, я уже неслась на встречу со следователем. Подозревала ли я, что что-то не так? Да, подозревала. Здание оказалось административным, находилось недалеко от моего дома, и я дошла пешком. Мне открыли дверь, будто знали, кто я, и будто знали, что я должна прийти. Меня проводили на второй этаж, в кабинет к Горскому.

Я клянусь, это здание отличалось от того, где я давала показания в прошлый раз. Горский оказался взрослым мужчиной, лет пятидесяти, с уже седыми висками. У него был цепкий внимательный взгляд, а сам он был поджарым, жилистым мужчиной. Но когда я зашла, он аккуратно показал мне, куда присесть, пододвинул стул и даже предложил кофе.

— Нет, спасибо, я недавно позавтракала, — ответила я.

— Ну да, ну да, — он усмехнулся чему-то своему. — Светлана, вы же не против, если я буду просто к вам по имени обращаться?

— Нет, но это очень странно. Вы говорили про какие-то изменения в моём деле?

— Да, — он медленно подошёл к окну, открыл его настежь и, вы не поверите, начал курить прямо туда, на улицу. — Извините, не могу отказаться от этой привычки. Бросал не раз, но вы знаете, курение — как истинная любовь. Когда она тебя бросила, ты пытаешься отказаться, но всё равно иногда приходишь к её подъезду. Или постоянно вспоминаешь, или пытаешься найти её в другом мире.

На последних словах я напряглась. Но промолчала, думая, что он продолжит. Всё это было как непонятном кино.

— Вам очень идёт это платье, — сказал он вдруг, и его голос стал каким-то... другим.
— Покровитель подарил?

— Покровитель? — переспросила я. — У меня нет никакого покровителя. Я не из этих...

— Но покровители бывают разные, знаете ли, — он затаился, и мне показалось, что у него немного затряслась рука. — Например, такие, которые дают понять, что дело по любви надо закрыть. И они в этом очень настойчивы.

Я искренне не понимала, о чём он говорит и к чему клонит. Я хотела что-то сказать в ответ, защитить себя, но просто открыла рот, а потом закрыла его, не понимая, что вообще происходит.

— Ну, я вижу, что за вас всё решили, — он сказал это быстро и очень жёстко. — Значит так. Дело закрыто за отсутствием состава преступления.

Он потушил окурок прямо о подоконник и выбросил сигарету на улицу.

— Можете идти.

Я опешила. Я не понимала, что происходит. Я проводила его взглядом: он сел за свой стол, в своё кожаное кресло и взялся за бумаги. Всем своим видом показывая, что я могу идти.

Я медленно встала, аккуратно двинулась к двери, а потом повернулась и спросила:

— Вы же всё это могли сказать мне по телефону. Зачем вы пригласили меня сюда?

— Мне было интересно посмотреть на ту, которая может уничтожить всех нас одной своей слезой, — ответил он, не поднимая головы от бумаг. — Идите. И больше не приходите.

Ко мне резко подошёл какой-то очень крупный мужчина и жестом показал, куда идти. Я двинулась за ним, и только тогда до меня дошло, что все косятся на меня, подозрительно осматривая, — все эти мужчины, в основном, и женщины тоже. Они будто обтекали меня, провожали взглядами. Меня проводили на выход, пожелали хорошего дня, и за мной закрылись ворота.

И только сейчас, отходя от этого здания, я поняла, что это было не простое здание. Это не простая полиция. Это что-то более важное. Снаружи оно казалось обычным, а внутри было безумно современным, и там работали явно не простые полицейские и следователи.

Я достала телефон и увидела сообщение от своего банка. Моя бывшая работа перевела мне денежные средства — пришёл мой расчётный лист, с извинениями о том, что они пересчитали то, что должны были мне заплатить. Мне прислали зарплату почти за год! Я даже вслух ойкнула от неожиданности.

Я посмотрела на время — в принципе, я могу потихоньку ехать в центр. Прогуляюсь там и пойду к психологу, что я и сделала. Я гуляла и думала о Яне, о том мире, о том, что мне дальше делать. Его слова о гареме, которые меня так задели, и то, что я нужна ему только для ребёнка — всё это крутилось в голове. Мне было безумно интересно, почему время течёт по-разному, почему там прошло три месяца, а здесь только день. Почему я периодически чувствую тот мир, как вот сейчас — я чувствовала, что он меня целовал, целовал в щёки, в лоб, в губы, и что-то шептал, но я не могла разобрать, будто он звал меня. Мне кажется, один раз я даже почувствовала запах тех цветов, которые были в том храме.

Столько вопросов и полное отсутствие ответов.

И вот я уже поднимаюсь в кабинет психолога. Секретарша всё та же, улыбается, такая красивая, провожает меня в кабинет. И первое, что я слышу, входя туда:

— Здравствуй, Моника...

Глава 13

— Почему вы называете меня Моникой? Меня зовут Света, — спросила я, не отходя от двери и чувствуя, как внутри снова поднимается тревога.

Виктор Сергеевич уже стоял возле кресла, в котором сидел в прошлый раз. Он улыбнулся, но это была тёплая улыбка, совсем не холодная, и от этого становилось только страннее.

— Ты не помнишь, как заполняла анкету? — спросил он спокойно.

Я сначала не поняла, что он имеет в виду, а он уже жестом показывал мне на кресло. Я вздохнула, не понимая, чего именно я опасаясь, подошла и села, всматриваясь в его глаза. Да, я смотрела дольше, чем позволял обычно этикет, когда смотришь мужчине в глаза, но я всматривалась и искала знакомый цвет — тот, который мелькнул в прошлый раз. Красный. Огненный. Но нет, на меня смотрели совершенно чужие, обычные глаза. Я засмушалась своей наглости и отвела взгляд.

— В анкете я записана как Моника? — спросила я тихо.

— Когда ты заполняла анкету, диктовала данные, то сказала, что тебя зовут Света, — он говорил медленно, будто объяснял что-то очевидное. — Но ты добавила, что любишь, когда тебя называют Моника.

Я удивлённо захлопала глазами, пытаюсь вспомнить, что я вообще диктовала секретарше по телефону. Я помнила только, что говорила про увольнение и про стресс, но про Моника... я не помнила ничего такого.

Психолог опять улыбнулся, нагнулся к столу, взял мою папку, открыл и показал мне мои данные. Там и вправду было всё — моя информация, всё, что я диктовала секретарю, моё имя, фамилия, отчество. А в скобках, мелким почерком, было подписано: «Моника».

Как интересно. Может быть, я на стрессе сама это выдумала? Или просто оговорилась? Я снова посмотрела на психолога. А что, если он просто так говорит, и это какой-то приём? Если он сам допустил ошибку, назвав меня именем из того мира, из моих снов, а теперь просто пытается меня запутать, выдавая это за то, что я сама виновата и сама спуталась? Да кто он мне — друг или недоброжелатель?

— Вчера ты убежала такая расстроенная, испуганная, что... — начал он.

— Вы переживали за меня? — перебила я, пытаюсь взять ситуацию и разговор в свои руки.

— Как твой психолог — да, — ответил он ровно. — Буду честен, я не успел составить общую картину по поводу твоих проблем. Но я рад, что ты откликнулась на моё приглашение прийти. Это значит, что ты хочешь работать над тем, что тебя тревожит.

— А вас ничего не тревожит? — не сдавалась я, глядя ему прямо в глаза.

И тут мне показалось, что он вдохнул запах. Он сделал это очень глубоко, его ноздри шевельнулись, и он попытался это скрыть, но у него не получилось. Он будто принохивался к чему-то, что исходило от меня. Я смотрела в его глаза и пыталась понять, что я хочу узнать и услышать.

— Я хотел обсудить твою личную жизнь, Света, — сказал он после паузы. — Или лучше Моника?

— В этом мире — Света, — зачем-то сказала я, и сама спохватилась, но было уже поздно.

Господи, что он теперь обо мне подумает? Что у меня раздвоение личности? Что я сама не знаю, как меня зовут? Я опустила глаза и сжала руки на коленях, чувствуя, как внутри всё сжимается от стыда и страха.

— Что вы хотели узнать про мою личную жизнь? — спросила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— В анкете прописано, что по семейным обстоятельствам у тебя всё сложно, — ответил Виктор, глядя на меня спокойно и профессионально. — Я чувствую, что ты имела в виду развод, но хотелось бы понять, ты сейчас общаешься с мужем? Какие у вас отношения?

И именно в этот момент я решила пойти ва-банк. А почему бы и нет? Что я теряю?

— Прекрасные, — сказала я, глядя прямо в его глаза. — Я думаю, мы больше не будем разводиться.

Я соврала, конечно, и смотрела на его реакцию, на его глаза. Он только один раз моргнул, выражение лица не изменилось, но вот я не поняла — он дышит или нет? Он почему-то молчал, будто ждал, что я скажу ещё что-то. Я не заставила его ждать дальше.

— Скажу больше, — продолжила я, чувствуя, как внутри поднимается азарт. — Когда я сегодня с утра проснулась, он ко мне заехал. Я была занята, поэтому у нас было всего лишь минут пятнадцать в душе. И мы решили не разводиться и закрепили это бурным сексом. Прямо в душе.

Что-то щёлкнуло. Я перевела взгляд на его руку — он сжал её в кулак. Очень сильно. И переломил ручку, которую держал. Я посмотрела ему в глаза — лицо не изменилось, а вот взгляд стал другим. Нет, он не загорелся красным, нет. Он просто... изменился. Не было того вдумчивого психолога, не было той доброты, которой он пытался расположить меня к себе. Была жёсткость и сталь, и огонь одновременно. Нет, его глаза не были красными. Он просто смотрел на меня и молчал.

— Ян? — спросила я очень тихо, а потом немного придвинулась, сдвинувшись на край своего кресла, чтобы ещё ближе посмотреть в его глаза.

Он не реагировал. Просто зло смотрел и ничего не делал.

— Ян, как у тебя это получилось?

А потом Виктор Сергеевич моргнул, открыл глаза, и это уже был обычный, спокойный взгляд. Он посмотрел на свою руку, потом на меня.

— Уфф, — выдохнул он. — Значит, ты всё поняла, Светлана? И как у тебя это получилось? Ох ты ж блин, руку повредил.

Он потряс кистью, обошёл стол и достал инструменты — антисептик, марлю, вату, всё, чтобы обработать рану.

— Так значит, я была права, — сказала я, глядя на него. — Ян здесь сейчас с вами. Но как?

— Ну, если ты про этого ужасающего мужика, тирана, злобного императора какой-то непонятной земли, то, наверное, ты права, — он говорил с какой-то грустной улыбкой, почти дружеской. — Я лично думал, что это какой-то дух или призрак, который в меня вселяется.

— Но Виктор Сергеевич...

— Давай просто Виктор, — перебил он. — Потому что после тех эмоций, которые он мне передавал по отношению к тебе, у меня такое ощущение, будто я знаю тебя целую вечность. И мне сложно, когда ты ко мне по отчеству обращаешься.

Я закрыла рот, глядя на него, и стала думать. Как он передаёт ему свои мысли? То есть это не так, как у меня получается.

— Ну давай рассказывай, чего молчишь, — сказал он мягко. — Наш с тобой сеанс вышел за рамки обычного пациента и психолога.

Я посмотрела на него и поняла, что есть смысл рассказать. И я рассказала — конечно, утаив многие интимные подробности, а ещё свои мысли, понимая, что Ян может нас слышать. За это время Виктор обработал рану и уже сидел, откинувшись в своём мягком кресле, заложив руки за голову, даже больную, сцепив их в замок.

— Нереально, — задумчиво произнёс он. — Я бы не поверил, если бы этот Ян реально не вторгнулся в моё сознание.

— Но получается, у тебя, Виктор, это проходит так, будто он просто соединяется с тобой? То есть ваши сознания существуют в один момент. У меня просто моё сознание перекидывается в другое тело, но девушка, которая там, в том мире, Моника, она полностью идентична мне. Я даже чувствую себя там так же, и ощущение, будто тело там натренировано так же. Только её сознание мертво. Она погибла.

— Ян появляется внезапно, — продолжил Виктор, — и пытается руководить моим телом, но у него не получается полностью. Мы будто бы сосуществуем вместе. И именно в тот момент, когда он в моём сознании, я будто слышу его мысли, разговоры, всё. А он слышит мои. Но мы не можем перенять знания друг друга — я это уже понял, потому что пытался узнать о другом мире. Он пытался взять контроль, как в прошлый раз, когда напугал тебя. Если честно, этот Ян очень тобой поглощён. Он, я бы сказал, тобой болен.

— У нас время течёт по-разному, — сказала я. — Здесь прошло двенадцать часов — там прошло три месяца. Возможно, и сейчас так же. Но как у него получается вторгаться в твой разум?

— Я не успел этого понять, — признался Виктор. — Но поверь мне, мне это не очень нравится. И вот сейчас ты, получается, его спровоцировала? Ответом о своих отношениях?

— Да, я подозревала, что Ян где-то рядом, но я думала, что он просто в вашем теле и делит с вами сознание.

Я встала и подошла к столу, обойдя его. Мне захотелось кое-что попробовать. Я села прямо перед Виктором на край стола. Он немного аккуратно отодвинулся, но меня это не остановило. Я смотрела ему в глаза, аккуратно развела ноги, приподняла платье и продолжала смотреть на него. Мне было интересно — здесь ли сейчас Ян?

Я поднимала платье всё выше и выше, очень аккуратно и нежно, проводя руками по своим ногам, всё выше, пока не развела ноги ещё шире. Виктор сначала смотрел мне в глаза, а потом опустил взгляд туда, между моих ног, где очень красиво смотрелось новое бельё. Я увидела, как он начал дышать глубже.

— А откуда у тебя это платье и этот комплект белья? — спросил он, и его голос зазвучал напряжённо.

— Я не знаю, — честно ответила я. — Оно просто появилось у меня дома. Я не помню, чтобы я его покупала. Ян здесь?

Виктор напрягся всем телом.

— Яну нравится всё, что он видит, — сказал он медленно. — Вот только он бесится от того, что это же вижу и я.

Тогда я нагнулась к нему, к Виктору, ближе и ближе, смотря в его глаза. И я потянулась, чтобы поцеловать его.

И тут его глаза резко загорелись пламенем. Огонь хлынул прямо из них, и он схватил меня — совсем грубо, усадил на стол обратно, вцепился в волосы, оттягивая их назад, и прорычал мне прямо в лицо:

— Не смей никогда целовать это тело! Ты только моя, поняла? Никакие другие! Не смей! Это приказ!

Я вскрикнула от боли, потому что он очень сильно схватил меня за волосы. Его глаза пылали, он осматривал меня, а потом отскочил, как от огня. Его руки тряслись, было видно, что он хочет меня взять, поцеловать, но в следующую секунду он моргнул, и всё исчезло.

Виктор — я уже поняла, что это был он — грохнулся обратно в кресло и выдохнул:

— Ох, ничего себе. Он взял контроль над моим телом. Господи, как глаза печёт... Что сейчас было? Он ведь... он ведь схватил тебя... Прости, пожалуйста, Света. Это не я. Прости...

— Всё нормально, — ответила я, хотя внутри всё дрожало. — Я специально его спровоцировала. Чтобы понять, что он может сделать.

Я помолчала, а потом спросила то, что меня пугало больше всего:

— Но если это платье ему нравится... мог ли он попасть в чьё-то ещё тело, чтобы купить его и подарить мне? Чтобы кто-то принёс его ко мне домой? И это бельё тоже?

Я была напугана этим знанием. Получается, он и здесь может меня контролировать. Не только во сне, но и наяву.

— Можем ли мы как-то, Виктор, заблокировать то, что я попадаю в тот мир через сон? — спросила я. — Можем ли мы поставить какой-то блокиратор?

Виктор потёр подбородок, задумавшись.

— Есть у меня знакомые, которые изучают сон и всё, что с ним связано, — сказал он медленно. — Я свяжусь с ними. А тебе надо отдохнуть, явно прийти в норму. И ещё раз... прости, пожалуйста.

Я покачала головой, понимая, что не нахожусь в безопасности. Ни здесь, ни там.

Глава 14

Мы ещё немного побеседовали с Виктором Сергеевичем на эту тему — о том, что в его разум вторгается Ян, а я во сне улетаю в другой мир. Этот разговор немного помог мне душевно успокоиться, потому что одно дело, когда ты думаешь, что сходишь с ума, и совсем другое, когда есть человек, который тоже, пусть и не специально, но задействован во всём этом. Я была рада, что Виктор, судя по его словам и интонациям, был на моей стороне.

Ян больше не проявлялся во время сеанса. Но я чувствовала прикосновения. На этот раз они были жёстче, и мне показалось, что я даже слышала шёпот прямо в ухо. Жёсткий, злой голос говорил, что я поплачусь, когда вернусь, что он меня накажет за то, что я показала себя другому мужчине. Этот голос говорил, что платье и нижнее бельё предназначались именно для его глаз, и никто другой не должен был их видеть.

Мы договорились, что Виктор будет отслеживать моменты, когда Ян проникает в его разум, и постарается понять, что именно помогает тому это делать, потому что, по словам Виктора, это происходило не всегда, а только в определённые моменты. Ещё Виктор объяснил, что они ведут беседы с Яном, когда тот находится в его разуме. Но Ян выступает скорее как враг или оппонент, чем как собеседник, с которым можно нормально поговорить. Он больше ругается и угрожает Виктору, агрессивен и иногда даже доставляет боль, как бы странно это ни звучало.

Меня проводили до самого низа — Виктор Сергеевич настоял на этом, а ещё секретарша попыталась вызвать мне такси или поймать машину, но я отказалась. Мне нужно было прогуляться. Было около пяти часов, солнце уже пекло не так сильно, но на улице всё равно стояла адская жара. Мне даже не хотелось есть, только пить. Я зашла в ближайшее кафе и взяла себе глиссе. Оно немного взбодрило меня и охладило.

Я прогуливалась по городу и вышла на короткую аллею — маленький оазис в этой части города, где в основном стояли высотные здания. Один раз я почувствовала прикосновение к своим губам — не жёсткое, а очень нежное, почти ласковое. Интересно, что сейчас происходит у Яна? Несмотря на то, что у нас сложились очень странные, токсичные отношения, меня тянуло обратно. Я хотела снова почувствовать то удовольствие, которое испытала с ним, мое тело жаждало его огня. Удивительно, насколько оно тянулось к нему. А вот разум кричал, что это красный флаг. Да, вроде сейчас так говорят.

В этой аллее стояли небольшие скамеечки, и я присела на одну из них, в тени дерева. Я смотрела на проходящих людей и думала о том, как хорошо, что они не знают того, что знаю я. Держать внутри себя тайну о существовании других миров было тяжело, но что-то сдерживало меня от того, чтобы бежать и кричать об этом на каждом углу.

В этот момент у меня закололо ладонь. Я повернула её и увидела лёгкое мерцающее свечение, будто тонким-претонким карандашиком или фломастером провели внутри моей ладони круг, треугольник и ещё какие-то символы. Я открыла рот и выпучила глаза, потому что думала, что такое может быть только в том мире. Но сейчас оно не светило так ярко, как тогда, в порыве страсти с Яном, а просто слегка поблёскивало. Было похоже на послание, и оно предназначалось только мне.

Я резко сжала ладонь в кулак, чтобы никто не увидел, и подняла глаза. К моему удивлению прямо напротив сидели и смотрели на меня два человека. Я их узнала. Это были та женщина и тот мужчина из автобуса. И их же я видела у себя дома, когда отключалась после бутылки вина.

Они сидели и рассматривали меня. И только сейчас я обратила внимание, что на улице адская жара, а они одеты странно: мужчина в кожанке, женщина в какой-то ветровке серого цвета. Их взгляды были какими-то скептическими, будто они оценивали меня, взвешивали, решали, что со мной делать. Женщина была блондинкой, ей было лет сорок на вид, мужчине примерно столько же, может, чуть помладше. У него была лёгкая небритость. И только сейчас я поняла, что его глаза очень похожи на глаза Яна, когда те не светятся огненно-красным. И у женщины глаза были такого же карего цвета. Они так явно меня рассматривали, что я не сомневалась — это не совпадение.

Но в этот момент меня будто резко ударили по щеке. Удар был настолько сильным и явным, что я охнула и упала со скамейки. Остатки гляссе расплескались по тротуару. Я успела упереться ладонями в асфальт, чтобы не удариться головой. Когда я пришла в себя и резко подняла голову, чтобы снова посмотреть на мужчину и женщину, их уже не было на скамейке.

Кто меня ударил? Кто-то в том мире? Но кто? И за что? За то, что я его спровоцировала? Не может быть. Я не верю в это. Хотя почему я не верю? Он таскал меня за горло, он делал и другие жестокие вещи. Но почему-то именно сейчас я верила, что это не он. Он не мог дать мне пощёчину, когда я лежу без возможности ответить, без возможности поговорить. Нет, это не мог быть Ян. Я уверена.

Я посмотрела вокруг — никого. Телефон завибрировал. Это был мой психолог.

— Светлана, с тобой всё в порядке? — быстро выпалил в трубку Виктор, и его голос звучал взволнованно.

— Да, только такое ощущение, будто мне кто-то в том мире дал пощёчину, — ответила я. — Настолько сильно, что я даже упала со скамейки в этом мире.

— Я не удивлён, — сказал он. — Ты не представляешь, как он сейчас вторгся в моё сознание. Ян был просто взбешён. Мне кажется, он внутри моей головы всё опалил жаром. Что-то там происходило в их мире, и такое ощущение, что кто-то из его приближённых ударил тебя. Я совершенно не понял...

Виктор резко замолчал, а потом заговорил совершенно другим тембром, и его голос стал чужим, низким, угрожающим:

— Моника, я не защитил тебя. Прости меня. Я обязательно накажу тех, кто сделал тебе больно. Они будут мучиться.

А потом в трубке повисло молчание.

— Ян? — прошептала я.

— Я сгораю без тебя, — его голос прозвучал тихо, почти умоляюще. — Вернись ко мне. побыстрее. Пожалуйста.

А потом снова тишина, и уже Виктор заговорил своим обычным голосом, тяжело дыша:

— Ох... меня сейчас стошнит...

— Виктор, нам надо как-то помочь вам. Тебе, — сказала я. — Чтобы это больше не происходило.

— Света, я думал, у нас большие проблемы, — ответил он устало. — Но теперь я вижу, что они огромные. У тебя, у меня, у всех нас. Надо срочно что-то думать и решать.

— Я думаю, что мне надо с Яном выйти на мировую, — сказала я твёрдо. — И попытаться узнать больше о том мире, о том, как я туда попадаю.

— Да, — согласился Виктор. — Хотелось бы, потому что иначе эти его переходы меня просто добьют в один момент.

— Виктор, ещё очень странные вещи, — добавила я, оглядываясь по сторонам. — Мне кажется, за мной следят.

— Следят? Кто? — его голос снова стал напряжённым. — Люди Яна? Такое возможно?

— Если честно, я не знаю. Но я их видела. И они были у меня в квартире.

Я замолчала, не решаясь сказать больше. Потом добавила:

— И ещё произошло кое-что, чего я не могу вам рассказать, Виктор. Потому что Ян может слышать. Но я попытаюсь разобраться с этим сама. Давайте на связи. До встречи.

Я положила трубку, не решившись слушать, что он скажет в ответ. А потом я снова посмотрела на свою ладонь. К чему же этот ключ? Если я — Страж Ключа, если этот ключ находится где-то во мне, на каком-то глубинном, может быть, даже генетическом уровне, то что он открывает? Какие двери? Какие врата?

Мне нужно срочно узнать больше.

Я встала со скамейки и пошла к автобусной остановке, чтобы вернуться домой. Уже вечерело, солнце клонилось к закату, и я понимала, что скоро наступит ночь. И мне уже пора туда, куда зовёт меня Ян. Туда, где, возможно, я найду ответы.

Глава 15

Вы можете меня ругать и говорить, что я алкоголичка, хотя в принципе я не пью. Но я снова зашла за бутылочкой вина — да, той самой марки, которую употребила в прошлый раз. Хотя сейчас я могла позволить себе что-то получше, например, испанское или какое-нибудь другое вкусное вино, но мне не хотелось экспериментов. Я просто хотела расслабиться. Мне было страшно. Мне, если честно, было очень страшно от того, что сейчас будет, когда я усну. А может быть, я настолько перенервничаю, что даже не смогу заснуть? Я не знала, друзья, честно, не знала.

Я на самом деле очень сильно переживала и нервничала. Я чувствовала себя нашкодившей девчонкой. Я ведь натворила столько дел — зачем я провоцировала его на эмоции и смотрела, какая будет реакция у Яна? А ещё мне было непонятно, кто поднял на меня руку там, беззащитную, кто осмелился меня ударить в тот момент, когда я не могла дать ответ. Было немного обидно на Яна, что он меня не уберёт.

И вот уже одиннадцать часов вечера. Я приняла душ, перекусила тем, что нашлось в холодильнике — это было неважно, потому что аппетита у меня совершенно не было. Я включила наушники на максимум и слушала музыку, танцуя и выпивая прямо из горлышка. Музыка лилась, мне казалось, не просто в уши, а прямо в кровь. Я танцевала на цыпочках, кружась по кухне, и чувствовала, что на меня смотрят. Я понимала, что смотрят не одни глаза, но мне было всё равно.

Я уже была настолько пьяна, что мне стало всё равно. В этот раз я выпила бутылку очень быстро. Я смеялась и снова что-то кому-то доказывала — будто Яну, или Виктору, или этим двум очень странным ребятам. Но злости я к ним не испытывала. Мне было интересно, кто они и что им от меня надо.

И вот я уже шатаюсь, я понимаю, что безумно пьяна, мой разум веселится от этого, а тело уже не слушается. Я подхожу ближе к дверям, ведущим на балкон, выхожу на него и опираюсь о перила. Смотрю на красивый город, на красивый парк, на огоньки. Воздух пьянит меня, я допиваю остатки вина, и почему-то появляется жгучее желание продолжить банкет.

Я раскачиваюсь и говорю что-то самой себе. А потом сквозь шум в голове слышу, как открывается дверь, будто ключами. Кто-то заходит — аккуратные, мягкие шаги. Голоса сзади:

— Я не знал, что она так пьёт. Я удивлён, — мужской голос, красивый, тёплый, в нём слышалось удивление, но не было пренебрежения.

— Да уж, слушай, я сама в шоке, — вторит ему женский, мелодичный голос. — Она же вроде как за ЗОЖ.

Потом они замолкают. Я поворачиваюсь и вижу, как ко мне на балкон выходят эти двое.

Почему у меня не возникло желания закричать или ещё что-то сделать? Я просто засмеялась и сказала:

— Ребят, простите, но я всё выпила.

После чего я смачно икнула — это получилось само собой. Мужчина и женщина выпучили на меня глаза, потом переглянулись. Мужчина почесал затылок.

— Света, давай мы тебя проводим в комнату, — сказал он мягко. — А то ты ненароком упадёшь и разобьёшься.

— Хорошо, — ответила я, уже прикрывая глаза и шатаясь, но при этом добавила, погрозив пальчиком: — А вы вообще кто? Вы люди Яна? Он вас послал? У вас там... у вас в головах чужие сознания?

Последние слова я говорила уже еле ворочая языком. Ребята аккуратно, без агрессии взяли меня за локти и повели в комнату.

— Не совсем, — ответил мужчина. — Мы — это мы. Наше сознание. Но Яна мы знаем.

— Тогда вы знаете, какой он... — я запнулась, подбирая слова. — Чёрный. Беспощадный. Ужасный мужик.

Я краем уха услышала, как ребята прыснули — не засмеялись, а скорее сдержанно хохотнули.

— Ты его просто ещё не знаешь с хорошей стороны, — сказала женщина мягким, нежным голосом, уже аккуратно подводя меня к кровати. — Хочешь, принесу тебе воды?

— Да, если честно, очень хочется пить, — призналась я.

Она вышла, а я повалилась на кровать.

— О, меня сейчас такое ощущение, будто инерцией с кровати скинет, — пробормотала я, чувствуя, как меня мутит.

— Подожди секундочку, — мужчина молниеносно вылетел из комнаты и так же быстро вернулся уже с тазиком. На краю сознания я отметила, что он знает, где что у меня в квартире лежит.

Тут же пришла женщина с водой. Странно, но после нескольких глотков мне стало легче. Я прилегла на подушку, от одеяла отказалась — мне было некомфортно, — но плед обняла.

— Мне страшно, — поделилась я с ними, чувствуя, как сон накрывает меня.

— Всё будет хорошо, — женщина взяла меня за плечо. — Мы рядом. Мы тебя не бросим.

— И как вас зовут? — спросила я, уже проваливаясь в сон. — Вы не скажете?

— Ты сама потом всё узнаешь, — ответил мужской голос, приятный и тёплый. — В том числе, как нас зовут.

И я уплыла. В сон, в другой мир, к Яну. И почему-то в этот раз мне было не так страшно, потому что я знала — кто-то остался здесь, чтобы меня охранять.

Глава 16

Сначала я снова почувствовала запахи. Те самые благовония — приторно-сладкие, смешанные с цветочными, но теперь к ним примешались и другие. Пахло мужчинами — явно, отчётливо. Пахло оружием, какой-то оружейной смазкой, металлом. А ещё пахло документами. Очень странно, но я реально чувствовала этот запах бумаги и чернил. И ещё алкоголь — будто где-то рядом открыли бутылку фруктового вина.

Потом появились звуки. Мужские голоса, спорящие, требовательные. Один из них я уже слышала — это был тот офицер, военный, который говорил с Яном на лестнице в первый раз.

— Вот здесь нам нужны ворота, — говорил он жёстко, и я слышала будто водят пальцем по бумаге, возможно это была карта. — Если в ближайшее время мы не найдём ключ, то не сможем вовремя успеть на помощь нашей армии. Повелитель, мы нужны там. Вы нужны именно там.

— Повелитель уже говорил, что это неприемлемо, пока богиня не проснулась, — возразил другой голос, и я с удивлением узнала его. Это был голос Никоса.

— Мы можем взять спящую богиню с собой, — предложил первый офицер.

— Это не обсуждается, — отрезал Ян. Его голос звучал сдавленно, спокойно, но в нём чувствовалась такая сила и мощь, что даже зашелестели и задвигались стулья, будто люди невольно подались назад.

Я смогла наконец открыть глаза и пошевелить пальцами. А потом я сглотнула — очень хотелось пить, горло пересохло.

Я огляделась. Я была всё в том же храме, но здесь стало шумно и многолюдно. Я чувствовала вокруг чужую энергию, чужие взгляды. Я провела глазами по сторонам, пошевелила головой и поняла, что снова одета в ту же форму, и в мои волосы снова вплетены белые цветы. Я лежала на том же постаменте, что и в прошлый раз.

Я повернула голову сильнее, привстала на локтях и к своему удивлению увидела разительные изменения. В этом огромном помещении теперь стояли шкафы с книгами, столы, даже тахта в углу. А неподалёку от меня, у огромного стола, на котором были разложены бумаги и карты, собрались мужчины в военной форме — явно офицеры Яна. Сам Ян сидел во главе стола на большом стуле, похожем на трон. Он смотрел на карты, его локти лежали на подлокотниках, а кисть в перчатке упиралась в висок. Капюшон был надвинут на голову, глаза сосредоточенно следили за картой, и всё его лицо выражало глубокую задумчивость, будто он решал какую-то важную, возможно, судьбоносную проблему.

Я сглотнула ещё раз, не переставая им любоваться. Он казался мне безумно красивым. И я заметила, что он немного осунулся, будто эти два месяца прошли для него нелегко.

Внутри меня что-то зажглось, и я задышала сильнее.

Его глаза резко переметнулись в мою сторону.

— Все вон, — сказал он спокойно, но в его голосе было железо.

Мужчины, столпившиеся вокруг стола, сначала не поняли, а потом проследили за его взглядом и увидели меня. Они замерли, открыв рты и широко распахнув глаза. Я услышала шёпот: «Богиня проснулась», «Не может быть», «Опять?», «Сколько прошло времени? Два месяца».

Два месяца? В прошлый раз прошло три. Интересно, с чем связана такая разница?

Я с удивлением заметила среди офицеров Никоса. Он стоял мрачнее тучи и смотрел на меня исподлобья, но я была рада его видеть. Я очень переживала, что с ним стало. Удивительно, но он, получается, примкнул к людям Яна, потому что был в их форме.

— Я сказал, все вон! — Ян повысил голос, и в нём зазвучала угроза.

Я медленно начала вставать, опираясь на руки и чувствуя, как непривычно легко двигаться в этом натренированном теле.

Офицеры расходились неохотно, но быстро — слишком быстро, будто каждый из них прекрасно понимал, что значит этот приказ, произнесённый таким тоном. Шуршали плащи, звякали доспехи, кто-то чертыхнулся, задев угол стола, кто-то шепнул что-то соседу, но никто не задержался ни на секунду дольше, чем следовало.

Никос уходил последним.

Я видела, как он обернулся у самой двери, и наши взгляды встретились. Его лицо осталось мрачным, почти каменным, но в глазах плескалось что-то такое, от чего у меня сжалось сердце — то ли боль, то ли горечь, то ли предупреждение. Он шёл спиной вперёд, не желая терять меня из виду, и на пороге резко сжал кулак, прижав его к груди — короткий, отрывистый жест, смысла которого я не поняла, но запомнила намертво. А потом он развернулся и вышел, и дверь за ним закрылась с глухим, окончательным звуком.

Я осталась с Яном одна.

Не успела я прыгнуть с постамента, как он оказался рядом. Я даже не заметила, как он преодолел это расстояние — слишком быстро, словно само пространство подчинялось ему. И прежде чем я успела вымолвить хоть слово, он вспыхнул.

Огонь вырвался из него, как из жерла вулкана — ослепительный, жаркий, живой. Я зажмурилась на секунду, а когда открыла глаза, его доспехи уже превратились в пепел, осыпавшийся на пол чёрной крупой. Моя собственная одежда исчезла следом, сторела без следа, оставив меня обнажённой в его объятиях. Я ждала боли, но её не было — только тепло, сухая ласка, будто он научился управлять своим проклятием так, чтобы не ранить меня.

А потом он начал целовать меня, и я забыла, как дышать.

Сначала губы — жадно, голодно, с каким-то отчаянным облегчением, словно он не видел меня целую вечность. Потом шея — горячая, влажная дорожка от поцелуев, от которых у меня подкашивались ноги. Он опускался всё ниже, не пропуская ни сантиметра моей кожи, и я вцепилась пальцами в его плечи, чтобы не упасть. Он лизал, покусывал, целовал — мои ключицы, грудь, живот, бёдра, — и от каждого его прикосновения внутри меня разгорался ответный огонь, требовательный и неуёмный.

Я не сопротивлялась. Я не хотела сопротивляться. За один день в моём мире я безумно, отчаянно соскучилась по нему — по его жёсткости, по его бешеной страсти, по этому странному чувству защищённости, которое он дарил мне, когда не душил и не угрожал. Я обнимала его горячую голову, запутав пальцы в его жёстких шоколадных волосах, и шептала что-то бессвязное, сама не понимая что.

А он шептал в ответ, не отрываясь от моего тела, и его голос дрожал от напряжения:

— Два месяца, Моника. Два месяца я ждал тебя. Я сходил с ума. Я не спал, потому что боялся пропустить тот миг, когда ты откроешь глаза. Ты даже не представляешь, что со мной творилось.

Он поднял голову, и я увидела его глаза боль. Не злость, не гнев, а глубокая, изматывающая тоска, которая не отпускала его всё это время.

— Прости меня, — прошептал он вдруг, и это было так неожиданно, что я замерла. — За то, что не уберёг тебя. За то, что на тебя посмели поднять руку. Я накажу их всех. Каждого, кто посмел думать, что может прикоснуться к тебе.

Он снова впился в мои губы, но на этот раз укусил больно, до крови, и отстранился, глядя мне в глаза с этим странным сочетанием нежности и ярости:

— Но ты... как ты посмела показать себя другому? Виктору? Он видел тебя в этом белье. Он видел то, что принадлежит только мне. Ты ответишь за это, Моника. Я запомню.

Он говорил, угрожая, но при этом гладил меня по щеке, по шее, по груди так бережно, будто я была хрупким сокровищем, которое он боялся разбить. И я вдруг заметила то, чего раньше почему-то не видела.

На его теле были шрамы.

При ярком свете, заливавшем храм, они казались особенно страшными — старые ожоги, покрывавшие его плечи, бока, грудь. Кожа была стянута, местами блестела, будто расплавилась от невыносимого жара. Я коснулась одного из шрамов кончиками пальцев, и он замер, напрягшись под моей рукой.

— Что это? — прошептала я.

— Плата за силу, — ответил он глухо. — Огонь не только служит мне. Он требует жертв.

Я наклонилась и поцеловала самый большой шрам — туда, где кожа была особенно грубой и неровной. Его дыхание сбилось, и он прижал меня к себе сильнее, будто не верил, что я делаю это добровольно.

— Ты прекрасна, — сказал он, отстраняясь и осматривая меня с головы до ног. — Каждый раз, когда я вижу тебя, ты кажешься мне прекраснее, чем прежде. Я сходил с ума без тебя. Я пытался добиться тебя всеми способами, которые знал. И я не остановлюсь.

Он говорил комплименты, целовал каждую клеточку моего тела, а я отвечала ему — робко, неумело, но искренне. Я гладила его шрамы, целовала его плечи, грудь, ключицы, и мне казалось, что я действительно хочу быть с ним, несмотря ни на что.

— Я скучала, — прошептала я в его губы.

Он глух зарычал и подхватил меня под бёдра. Я взвизгнула, но он уже усадил меня прямо на этот каменный холодный постамент, раздвигая мне шире ноги, и я почувствовала, как он входит в меня — резко, глубоко, жадно, словно не мог больше ждать ни секунды.

Я вскрикнула, вцепившись в его плечи, а он начал двигаться. Сильно, яростно, с удовольствием, которое не пытался скрыть. Каждый толчок отдавался во мне огнём, удовольствие нарастало, захлёстывало, и я уже не могла думать ни о чём — только о нём, о его шрамах под моими пальцами, о его горячем дыхании на моей шее, о его шёпоте, в котором перемешались и мольбы, и проклятия.

— Только моя, — рычал он, вбиваясь в меня. — Никогда больше не показывай себя никому. Только мне. Ты слышишь, Моника? Только мне.

Я не могла ответить — только стонать и выгибаться под ним, чувствуя, как внизу живота закручивается тугой узел, готовый вот-вот разорваться. Я кончила первой, выкрикнув его имя, а он последовал за мной — долго, мучительно сладко, прижимая меня к себе так сильно, будто боялся, что я исчезну, если разожмёт руки.

А потом мы полулежали на холодном камне, сплетённые в одно целое, тяжело дыша, и я гладила его спину, чувствуя под пальцами каждый шрам, каждую неровность обожжённой кожи.

— Не уходи снова, — прошептал он, уткнувшись лицом в мои волосы. — Я не переживу ещё одного такого ожидания.

Я не обещала. Потому что знала, что этот разговор ни к чему не приведёт. Но в этот момент мне хотелось верить, что всё будет хорошо. Что я смогу найти способ оставаться здесь надолго. Что эти две реальности когда-нибудь перестанут разрывать меня на части.

— Хорошо, — прошептала я в ответ. — Я попробую.

Он прижал меня к себе крепче, и я почувствовала, как его огонь — тот самый, который когда-то пугал меня до смерти — теперь согревает, не обжигая.

Потом он поднял меня, поставил на пол, провёл пальцами по моим волосам, погладил их, поцеловал в лоб и сказал, глядя мне прямо в глаза и прижимая к своему телу:

— У нас очень мало времени, но я хочу тебе кое-что показать. Подожди.

Полностью голый, он с аккуратной грацией хищника прошёлся к какому-то шкафу, открыл его и накинул на себя что-то вроде мантии. Потом подошёл ко мне и накинул вторую на мои плечи. На удивление, она оказалась почти моего роста и очень приятная по ощущениям.

— Почти моего размера? Это для меня? — удивлённо спросила я.

— Когда я понял, что ты снова уснула, я перевёз всё сюда, в храм, и подготовил немного одежды — для себя и для тебя, — ответил он спокойно. — Я жил здесь эти два месяца.

Эти слова меня очень удивили. Я не ожидала, что он станет ждать меня здесь, в этом каменном холодном храме, среди книг и карт, вместо того чтобы вернуться в свой дворец.

— Так, может быть, мы переоденемся в нормальную одежду? — улыбнулась я. — Здесь же есть кровать?

Он ничего не ответил, только хитрый огонёк загорелся в его глазах. А потом он просто взял меня на руки и очень быстрой походкой вышел из храма. Охрана и несколько офицеров, которые почему-то не ушли, проводили нас удивлёнными взглядами, но он не сказал им ни слова. Он просто взмыл в небо.

В этот раз я не взвизгнула и не закричала, хотя сердце снова ухнуло вниз. Я просто прижалась к его груди, чувствуя, как его тепло укутывает меня. Он ощутил, что я всё ещё боюсь, и прижал меня к себе крепче.

Когда мы отлетели достаточно далеко от Хофффина, я аккуратно отстранилась от него и попыталась перекричать ветер:

— Куда мы летим?

— Я хочу разделить с тобой кое-что, — ответил он, и в его голосе послышалась улыбка. — Хочу показать тебе одно прекрасное место. Там не нужна будет одежда.

Он набрал огромную скорость, но нас будто оберегало пламя — мы летели в тёплом коконе, и ветер почти не ощущался. Было ощущение, что мы движемся на волне тепла, которое исходило от него.

А потом он начал снижаться, и стало как-то зябко, прохладно. Его жар исчезал с каждой секундой, и мне вдруг стало не хватать этого тепла. Но тут я поняла, куда мы спускаемся.

Это было обалденное озеро, обрамлённое скалами и очень высокими, величественными деревьями. Вода оказалась безумно прозрачной, почти стеклянной, кроме середины. Там была темнота.

— Это мой подарок тебе, — сказал Ян, опуская мои ноги на безумно приятную, мягкую траву.

Природа здесь сильно отличалась от того, что я видела в своём мире. Трава была нежнейшей, мягкой, деревья казались сказочными — такими высокими, что их вершины терялись где-то в облаках. Вокруг росло много папоротника, цветы были невероятно красивыми, а на кустах я заметила крупные ягоды.

— А какое сейчас время года здесь? — спросила я.

— В мире Хоффнина, где находится этот город и эта империя, почти всегда лето, — ответил он.

— Не может быть. Но как это возможно? — удивилась я, оглядываясь вокруг, и мой взгляд задержался на озере. — Здесь можно купаться?

— Если честно, я так и не понял, насколько здесь глубоко, — сказал Ян задумчиво. — Будь аккуратна. Возможно, это бывшее обиталище Великого чёрного сома (прим. отсылка к книге «Больничный комплекс №3»), — добавил он, и в его голосе послышалась странная, почти почтительная интонация.

Я содрогнулась от одной только мысли о том, что могло скрываться в глубине. Но озеро было таким красивым, таким манящим, что страх быстро отступил.

Я смотрела на воду и понимала, что безумно хочу туда — поплескаться, искупаться, смыть с себя сажу и остатки нашей страсти, которые до сих пор чувствовались на внутренней стороне бёдер. Он заметил мой взгляд, проследил за ним и кивнул на озеро, разрешая.

Я сняла с себя мантию, и она аккуратно упала на траву у моих ног. Потом я подршла к нему и аккуратно сняла мантию с его плеч. Она тоже упала на землю, и вот мы стоим друг напротив друга обнажённые. Я закусила губу, глядя на него снизу вверх. Рядом со мной стоял обалденно красивый мужчина — огромный, высокий, широкоплечий, с напряжёнными мышцами и очевидным возбуждением.

И вы не поверите. Он улыбнулся. Широко, открыто, совсем не той дикой и пугающей улыбкой, а счастливой, почти мальчишеской. Я замерла, глядя на то, как тиран улыбается.

А потом я улыбнулась ему в ответ.

В голове мелькнула мысль о том, что говорили мне те двое — мужчина и женщина из автобуса, — что я должна узнать его с другой стороны. Но я не успела ничего осмыслить, потому что он взял меня на руки и понёс к воде. Я завизжала от восторга, когда он просто плюхнул меня в озеро, и сразу же пошла ко дну. Сильные руки подхватили меня и подняли на поверхность.

— Кто бы мог подумать, — усмехнулся Ян, — что такая миниатюрная девушка пойдёт ко дну сразу же? Ну ты даёшь.

— Я не ожидала, что здесь так глубоко, — ответила я, отплёвываясь. — Мы же даже не отошли от края.

— О да, — сказал он задумчиво. — Если честно, я так и не понял, насколько здесь глубоко. Будь аккуратна.

— Здесь может кто-то выплыть? — испугалась я и попыталась отплыть ближе к берегу, вглядываясь в темноту, где не было видно ни дна, ни водорослей, ни песчаного берега. — Там... темнота.

— То, что здесь кто-то есть, маловероятно, мы бы знали, — сказал он спокойно, обнимая меня, и от него снова пошёл жар.

— Ты уверен, что нам здесь ничего не угрожает? — спросила я, глядя на него жалобно.

— Со мной тебе нечего бояться, — ответил он серьёзно. — Я уберегу тебя от всего.

А потом он насадил меня на себя, раздвинув мои ноги широко, и понёс, целуя то в губы, то в шею, то опускаясь к груди, к соскам. Я стонала, извивалась от этих нежнейших ласк, чувствуя, как удовольствие накатывает волнами.

Он положил меня прямо на траву, аккуратно поправил волосы, раздвинул мои ноги и поцелуями спустился к животу, всё ниже, продолжая ласкать.

— Я хотел попробовать это ещё в прошлый раз, — прошептал он. — Но ты слишком быстро уснула, вернее сбежала в свой мир.

— Ян, это не от меня зависит, — выдохнула я.

— Моника...

— Нет, — резко остановила я его, приподнимаясь на локтях. — Пожалуйста, называй меня Света.

Ян улыбнулся. Не той хищной, опасной улыбкой, к которой я уже начала привыкать, а какой-то другой — тёплой, почти нежной. Он снова опустился между моих ног, и я почувствовала его горячее дыхание на самой чувствительной своей кожи.

— Света, — сказал он тихо, пробуя имя на вкус. — Свет. Как луч, который пробивается сквозь тьму. Свет всего прекрасного, что есть в этом мире. Я согласен. Я буду называть тебя Светой.

А потом он лизнул меня — медленно, протяжно, заставляя выгнуться навстречу его языку.

— Света, — прошептал он, и от того, как его голос вибрировал на моей коже, у меня перехватило дыхание.

Ещё одно движение языком — уверенное, властное, доводящее до исступления.

— Света.

Он говорил это имя снова и снова, вплетая его в каждое движение, в каждое прикосновение. Я извивалась под ним, хватала ртом воздух, чувствуя, как удовольствие нарастает, закручивается тугим узлом где-то глубоко внутри.

— Света... моя Света...

Я кончила ярко, ослепительно, выгнувшись дугой и закричав его имя. Моё тело билось в конвульсиях, пальцы вцепились в его плечи, оставляя красные полосы на его горячей коже. Я ничего не соображала, ничего не видела и не слышала — только его, только этот миг, только удовольствие, которое разрывало меня на части и собирало заново.

Ян не дал мне опомниться. Он навалился сверху, раздвинул мои ослабевшие ноги и вошёл в меня — резко, глубоко, до самого основания. Я вскрикнула, но он уже начал двигаться, и крик превратился в стон. Он брал меня яростно, невероятно, но при этом я чувствовала, как он сдерживает себя — его руки дрожали, мышцы на плечах были напряжены до предела, а огонь, который обычно вырывался из него наружу, сейчас только тлел где-то глубоко внутри, согревая, но не обжигая.

Он сдерживался ради меня.

От этого осознания меня накрыло новой волной жара, и я закричала снова, уже не стесняясь, не зажимая рот, не боясь, что нас кто-то услышит.

Мы кончили вместе — громко, отчаянно, не в силах сдерживать свои крики. Я выгнулась под ним, он замер на мгновение, а потом его тело содрогнулось, и он упал на меня, тяжело дыша.

А потом мы слышали это.

Рёв. Глухой, мощный, доносящийся будто из-под самой земли. Он нарастал, приближался, и вдруг вода в озере всколыхнулась, вздыбилась, и из глубины выплеснулось что-то огромное, тёмное, с силой ударив по поверхности водоема. Нас накрыло волной — холодной, неожиданной, и я закричала уже от испуга.

Я откашлялась, отплёвываясь, и уставилась на воду, от которой всё ещё расходились мощные круги.

— Ты же сказал, что здесь никто не живёт! — выкрикнула я.

Он смотрел туда же, куда и я, и на его лице застыло странное выражение — смесь удивления и восхищения.

— Ну, похоже, я ошибся, — сказал он медленно. — Кажется, своей энергией мы пробудили не только друг друга, но и кое-что постарше. Врата. И древнего сома. Не знал, что увижу когда-нибудь это древнее... Что за...?

Ян резко схватил меня за руку, и я увидела, как она засветилась. Те же самые знаки — круг, треугольник и какие-то странные иероглифы, что уже проступали на моей ладони раньше, теперь горели ярко, ослепительно, будто кто-то зажёл внутри моей кожи маленькое солнце. Свет был настолько сильным, что на мгновение я даже зажмурилась, а когда открыла глаза, увидела, что Ян перевёл взгляд с моей руки на меня. Его глаза начали гореть красным — не злобно, а скорее от осознания чего-то очень важного.

— Ты соврала мне, — сказал он глухо, и в его голосе не было злости, только какая-то странная, пугающая обречённость. — Ты и есть ключ. Ключ всегда был в тебе и с тобой. Вот почему открылись древние врата.

Я уставилась на него, не понимая. Мои мысли путались, а рука всё ещё светила, будто подтверждая его слова.

— Ян, я... я не понимаю, о чём ты. Я не знаю, что такое ключ, — затараторила я, пытаюсь собраться. — Но ты же знал, что это у меня есть! Люди, которых ты подослал — те мужчина и женщина, которые были в моём мире, у них ведь тоже такое свечение на руке! Я видела. Точно такое же, на том же месте.

Ян резко отпустил мою руку, будто обжёгся, и отполз от меня на полшага, сев на корточки. Он смотрел на меня с таким выражением, которого я раньше у него не видела — растерянным, почти испуганным. Мне даже показалось, что он побледнел, хотя на его обожжённой, смуглой коже это было трудно заметить.

— Света, — сказал он медленно, очень тихо, — я никого к тебе не посылал. Я следил за тобой через Виктора. Только через него. Я не могу перемещаться в твой мир физически, ты же знаешь.

— А как же прекращение уголовного дела? — спросила я, чувствуя, как внутри нарастает холод. — Деньги, которые перевела бывшая работа? Платье и бельё, которые появились в моём шкафу? Ты говорил, что тебе нравится, как я в них выгляжу. Я думала, это ты...

— Это не я, — перебил он, и его голос стал жёстче.

Мы замолчали. Я смотрела на него, он смотрел на меня. Вода в озере успокоилась, древний сом затих где-то в глубине, и воцарилась такая тишина, что я слышала своё собственное дыхание.

— Но они сказали, что знают тебя, — прошептала я наконец. — И сказали, чтобы я узнала тебя с хорошей стороны. У мужчины был точно такой же символ на руке.

Ян закрыл глаза на мгновение, а когда открыл их, в них не было красного огня. Только усталость и какое-то странное, болезненное понимание.

— Значит, он твой родственник, — сказал он тихо. — Причём близкий. Этот ключ передаётся только по родственной линии. Кровь. Только кровь.

Я открыла рот, чтобы что-то сказать, но не нашла слов. Родственник? У меня? Я знала свою семью — мама, папа, больше никого. И вдруг появляется какой-то мужчина с таким же

свечением на руке, женщина рядом с ним, и они оба следят за мной, появляются в моей квартире, в автобусе, на скамейке в парке. И помогают мне. И говорят, что знают Яна.

— Кто они? — выдохнула я. — Если не ты их послал, то кто?

Ян поднялся на ноги, протянул мне руку, помогая встать. Его пальцы сжали мои крепко, почти до боли.

— Мы должны это выяснить, — сказал он. — И быстро. Если ключ у тебя, а они тоже носят этот знак, значит, они — твоя защита. Или твоя угроза. Я не знаю. Но я не позволю никому причинить тебе боль. Ни здесь, ни там.

Он помолчал, а потом добавил, глядя мне прямо в глаза:

— Ты — моя. И никто не посмеет встать между нами. Даже твоя кровь.

Глава 17

Ян аккуратно надевал на меня мантию. Перед этим он окружил меня теплом, чтобы высушить волосы, и мне не было холодно, хотя на этой поляне перед озером, которое теперь казалось мне просто огромным, было зябко. Оно не выглядело таким, каким мы видели его с высоты, — теперь, стоя на берегу, я понимала, насколько оно бездонное. Вода уходила куда-то глубоко, в непроглядную черноту, и мысль о том, насколько масштабным может быть его житель, будоражила мой ум. А чего там говорить о нашем мире, о нашем бытии и обо всём этом?

Я задумалась, глядя на озеро, и даже не заметила, как Ян аккуратно отошёл от меня и смотрел, улыбаясь.

— Что? — спросила я, немного смутившись. Для тирана он был сейчас слишком милым и нежным.

— Я так понимаю, в твоём мире этого нет? — спросил он, кивнув на озеро.

— Чего именно нет? Огромных сомов? Бездонных озёр? Мужиков, летающих по небу благодаря тепловой энергии, и сжигающих города?

Улыбка с его лица исчезла мгновенно. Он очень сильно сосредоточился взглядом на мне, и в его глазах снова появилась та жёсткость, к которой я начинала привыкать.

— Всё, что я делаю, я делаю во благо своего народа, — сказал он холодно. — Всех тех, кто доверился мне.

— Ты сжёг Хоффнин! — выпалила я, показывая пальцем куда-то в сторону, будто указывала на сам город. — А ещё ты меня душил. А ещё ты сжёг человека прямо там, тогда на площади. Своего человека.

— Он посмел сделать тебе больно, — ответил Ян, и в его голосе не было сомнений.

— Так ты тоже сделал мне больно, — не сдавалась я. — Не хочешь себя сжечь?

Последние слова вылетели из меня как пуля. Я даже приблизилась к нему, пытаюсь как-то вытянуться, стать выше, хотя прекрасно понимала, что это бесполезно.

Он продолжал стоять и смотреть на меня. Не предпринимал ничего, не говорил ничего. Просто смотрел. А потом сказал холодно, и в его голосе было столько силы, что я поняла — он верит в каждое своё слово и ни капли не сомневается в своей правоте:

— Я не буду обсуждать с тобой мою политику и свои решения. Это не твоё дело.

Я отступила на шаг назад, глядя ему в глаза. И подумала: что мне теперь делать? Если бы я была в своём мире, я бы просто перестала общаться с таким человеком. Не жила бы с ним. Не спала. Но я не в своём мире. Я даже не в своей реальности. Я уже не знаю, что такое норма.

Спать с тираном — это норма? Получать удовольствие от человека, который порабощает миры, — это тоже норма? Или нет?

Я снова отвернулась к озеру. А пробуждать древних сомов и открывать какие-то врата — это норма? Что вообще такое нормальность?

Я жила своей жизнью в своём мире. У меня был муж, работа. Мне казалось, это норма, это приемлемо. Я бегала по утрам, вела здоровый образ жизни. А теперь я летаю по небу почти голая с мужиком, который испепеляет всё вокруг жаром.

У меня скатилась слеза. Видимо, я очень перенапряглась внутренне, переживала, и вот, пожалуйста.

Огромные руки повернули мой подбородок, костяшки пальцев аккуратно вытерли слезу с моей щеки.

— Почему ты плачешь? — спросил Ян спокойно, без злости, без холодности. — Неужели сейчас я тебя обидел?

— Нет, — ответила я тихо. — Просто я запуталась. Моя реальность будто расщепилась на части, а потом собралась обратно, но неправильно. Может быть, я сейчас лежу в психушке, и всё это мне снится или кажется?

Он посмотрел на меня долгим, тяжёлым взглядом, а потом уверенно сказал:

— Если это так, я попробую и туда. И буду там с тобой.

Я стояла и смотрела на своего мучителя, на своего тирана, на мужчину, который сжёг город, душил меня, угрожал, но при этом гладил мои волосы, дарил мне мантии и обещал следовать за мной даже в безумие.

И я не знала, плакать мне от этого или смеяться.

— Я хочу больше узнать про то, как всё устроено, — прервала я тишину. — Ты можешь мне это устроить? Может быть, у вас есть библиотека или какие-то учёные, которые смогли бы дать мне ответы?

— А зачем тебе это? — спросил он с искренним непониманием. — Тебе не нужно об этом думать. Твоя задача — просто быть рядом со мной. Мы не знаем, сколько времени тебе сейчас удастся пробыть в этом мире, и я не хочу терять ни секунды, ни минуты, ни мгновения. Я хочу быть с тобой.

Он снова подошёл ко мне, начал поглаживать плечи, перебирать мои волосы, а потом притянул меня к себе и уткнулся лицом в висок, глубоко вдыхая и тихо рыча.

— Света... — выдохнул он.

— Ян, пожалуйста, мы только и делаем, что...

Я не успела договорить, потому что он начал стягивать с меня мантию — ту самую, которую так старательно завязывал всего несколько минут назад.

— Ян, прекрати, — я резко оттолкнула его.

К моему удивлению, он убрал руки. Действительно прекратил. Но в тот же миг от него снова полыхнули злость и огонь.

— Я говорил: не отказывать мне, — прорычал он так громко, что эхо, казалось, ударилось о глубины озера, отскочило от деревьев и скал, которые окружали это место и прятали его от чужих глаз.

Земля слегка задрожала, и мы услышали утробный, пугающий рёв, донёсшийся откуда-то из-под земли. Я испугалась, вскрикнула и бросилась к Яну — мне казалось, что только он сможет меня сейчас спасти. Рёв повторился, земля затряслась сильнее, я взвизгнула и уткнулась лицом в его грудь, судорожно сжимая пальцами ткань его мантии.

Его огромные руки обняли меня, и он начал успокаивающе шептать, прижимая к себе:

— Тише, тише, прости. Древнему сому не понравилось, что я на тебя кричу. Извини. Надо же — у тебя в этом мире появились защитники, кроме меня самого.

Я осторожно выглянула из его объятий, оглядываясь по сторонам. Ян меня не отпускал — его руки были крепкими, а в их тепле чувствовалась надёжность.

— Так это он на тебя? — спросила я.

— Да.

— А я тебя могу ему скормить? — выпалила я, не подумав.

— Думаю, он меня не переварит, — ответил он с улыбкой, и сейчас в нём совсем не чувствовалось, что он тиран. — Света, пойми, пожалуйста. Ты должна забеременеть. Поэтому любую свободную минуту я буду любить тебя и ублажать.

Я вытаращила глаза от неожиданности — мы только что говорили об одном, а он резко перескочил на другое.

— А если я не хочу беременеть? Мы знаем друг друга от силы сутки. Какая беременность? О чём ты вообще?

— Поверь, мы знаем друг друга гораздо больше, — ответил он серьёзно. — Наши души, наше сознание знают друг друга давным-давно.

— Только не надо этих сказок, — попыталась я вырваться из его рук, но у Яна было своё мнение на этот счёт. Он просто подхватил меня на руки, оттолкнулся от земли, и мы снова полетели.

Он опять меня не спросил. Опять мы куда-то летим. В этот раз я решила просто расслабиться, прижалась к нему крепче и даже закрыла глаза — мне было лень разглядывать окрестности. Может, я сейчас усну и вернусь в свой мир? И тогда смогу задать вопросы тем двоим — блондинке и брюнету, которые приходили ко мне. Может быть, от них будет больше толку.

Но я не уснула и не проснулась в своём мире.

Мы прилетели в то самое поместье, где в прошлый раз я потеряла сознание, где мы с Яном в порыве страсти сожгли комнату. К моему удивлению, он приземлился туда же — в ту же комнату, на тот же балкон. Внутри всё было чисто и аккуратно, будто ничего и не случилось. Я никого не видела — вернее, когда мы подлетали, охрана ещё была, но когда мы начали снижаться вниз, все куда-то исчезли, попрятались в огнеупорные убежища.

Ян снова принялся меня целовать, но я взмолилась:

— Ян, пожалуйста, я очень тебя прошу, я не хочу сходить с ума. Мне нужны ответы.

Он закрыл глаза и прижался лбом к моему лбу. Я видела, как тяжело он дышит, как пытается сдержать огонь, рвущийся наружу.

— Мой Повелитель, — раздался голос у меня за спиной, — если ваша богиня не хочет вас, я могу вас удовлетворить. Я всегда вас хочу, я уже готова.

Сначала я заметила удивлённое лицо Яна — он смотрел куда-то за мою спину. Я обернулась.

В комнату, покачивая бёдрами, вошла невероятно красивая женщина, шатенка. Голос её был мне знаком — это она втирала в меня какие-то крема, она говорила со мной тогда на дирижабле и готовила для нас купальни. Сейчас она была полностью обнажена, а её кожа блестела, будто покрытая чем-то маслянистым, — даже волосы, даже лицо, всё тело. Она была до безумия красива, её фигура казалась совершенной: тонкая талия, пышная грудь, округлые бёдра — она словно сошла с картины. Она плавно прошла к кровати, бросила на нас зазывный взгляд и грациозно легла, вытянувшись на покрывале как кошечка.

Я не знала, что сказать. Внутри поднялась глухая ревность, но я понимала, что не могу конкурировать с такой женщиной. Меня смутило и другое — всё это время Ян молчал. Я взглянула на него и увидела, что он словно не здесь. Его взгляд стал отрешённым, замутнённым, будто он прислушивался к чему-то, что слышал только он. Он не смотрел ни на меня, ни на неё — его голова была слегка повёрнута в сторону, и в этом было что-то неладное.

— Любимый мой господин, всё хорошо? — спросила женщина, уже без улыбки, и приподнялась на локтях.

А я снова уставилась на неё, словно заворожённая. Она была идеальна во всём — даже пальцы ног, даже кисти рук, даже кожа, сияющая чистотой. А в её голубых глазах можно было утонуть. Что там Ян говорил о своём гареме? Если он состоит из таких красавиц, то у меня, наверное, серьёзные проблемы.

Ян резко повернул мою голову к себе и поцеловал меня прямо в губы.

— Мне нужно ненадолго исчезнуть, — сказал он тихо. — Мне нужно туда, где моя армия. К сожалению, я обязан, моя Света.

Он целовал меня нежно — в губы, в нос, в щёки, потом взял мои руки и поцеловал их, а затем повернулся к женщине:

— Ты отвечаешь за неё. Если с ней что-то случится, ты сама знаешь, что будет.

— Да, мой любимый господин, — ответила она, вставая с кровати и выпрямляясь.

Я хотела сказать Яну, что он охренел, но не успела. Он вышел на балкон и взмыл в небо, всё в той же мантии. Что происходит? Он даже не объяснил, откуда взялась эта голая красавица. Просто улетел по своим делам. В моей голове все это не укладывалось.

Шатенка рассмеялась, подошла ко мне, презрительно оглядывая с ног до головы. Я тоже посмотрела на неё и немного опешила — это что у неё в паховой зоне, блёстки? Я слишком откровенно уставилась туда, и она, заметив это, рассмеялась:

— Яну нравится, когда я так делаю. И знаешь что? Они съедобные. Мой господин любит их слизывать. Не так давно, между прочим, он это делал. А что не так, тварюшка? Почему побледнела?

Я сделала шаг назад, разглядывая её глаза. Она явно меня провоцировала. Я отвернулась и вышла на балкон — не хотела участвовать в этом дешёвом цирке. Делить мужчину, которого знаю всего сутки, ну уж нет, спасибо.

— А хочешь узнать, чем мы с ним занимались буквально два дня назад? — раздался её красивый голос у меня за спиной.

— Нет, спасибо. Не интересно.

— О, тебе будет интересно, — не унималась она. — Он брал меня сзади, вбивался снова и снова, рычал и говорил, какая я красивая, что лучше меня нет. А ты всего лишь должна выносить ему ребёнка. А любит он меня.

Я вцепилась в ограду балкона так сильно, что побелели костяшки. Меня охватила злость, и в то же время почему-то хотелось плакать.

— Замолчи, — выдавила я.

— Ой, а что такое? Думаешь, он тебе верен? Да у него целый гарем. Проснись. Ты здесь не нужна. Спит он со мной, иногда с другими, которые, правда, сгорают. Но в основном только со мной. И признаётся в любви он мне, и смотрит в глаза — мне. Я его будущая жена.

Я не выдержала. Резко развернулась, выбросила вперёд руку, словно пытаюсь остановить поток её слов, и закричала:

— Заткнись!

В тот же миг в комнату вбежал Никос, а из моей ладони вместе с криком, вместе с мольбой о тишине вырвалось синее пламя. Оно метнулось прямо в неё, и я не могла его остановить.

— Моника, нет! — закричал Никос.

Но было поздно. Шатенка исчезла — мгновенно, беззвучно, будто её и не было. Энергия, вырвавшаяся из моей руки, просто стёрла её.

— О божечки... — я прикрыла рот ладонями, чувствуя, как дрожат руки. — Что с ней? Я её убила?

Ответом мне был испуг Никоса. Он смотрел на мою руку, потом на меня, и его лицо побелело. А потом он произнёс очень тихо, почти шёпотом:

— Так всё-таки ключ был всегда у тебя. Я знал это.

Он повторил тот самый жест, который сделал, когда уходил из храма, глядя на меня, — прижал кулак к груди.

— Ты наш ключ. Ты Страж Ключа. Ты наше всё.

— Что я сейчас с ней сделала? — спросила я, чувствуя, как к горлу подступают слёзы. — Что я сделала?

Я не верила, что стала убийцей. Не хотела верить. Внутри всё сжималось от ужаса, и я уже не понимала, где нахожусь и что происходит.

Но в этот момент я почувствовала, как меня трясёт. Очень сильно трясёт, будто кто-то схватил за плечи и выдёргивает из этого мира. Я начала улетать, и сквозь пелену, уже теряя сознание, увидела испуганное лицо Никоса. Он смотрел на меня с таким ужасом, будто понимал, что я исчезаю и ничем не может мне помочь. А ещё я увидела, как моё тело в том мире падает на пол, безжизненное, словно тряпичная кукла.

А потом я проснулась в своём мире.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.